

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1869-й годъ *).

(Окончаніе).

Какъ жалокъ бѣдный Лажечниковъ! Онъ думаетъ скоро умереть и при мысли о семьѣ (у него жена и трое малютокъ) онъ совершенно теряется: просить, то единовременнаго пособія, то прибавки пенсіи, то оставленія пенсіи за семействомъ, то пожалованія имѣнія въ западныхъ губерніяхъ, то небольшую сумму изъ Моршанскихъ-плотицннскихъ милліоновъ. Просто жалокъ! По ходатайству Алмазова Общество любителей словесности и по ходатайству Ливанова („Раскольники и острожники“) артистическій кружокъ въ Москвѣ празднуютъ 50 лѣтіе его служенія искусству и литературѣ. Я писалъ Погодину и Аксакову, прося ихъ вмѣсто всякихъ расходовъ по этому случаю, открыть подписку на составленіе преміи въ пользу Ивана Лажечникова, малолѣтняго сына Ив. Ив., и записать на ихъ листахъ „отъ признательнаго гимназиста“ по 100 р. Я помню Ив. Ив. съ 1823 г., когда онъ былъ директоромъ Пенз. гимназіи. Онъ былъ расположенъ къ моей матери, и она была ему признательна. Старшаго брата онъ взялъ съ собою въ Казань. Меня онъ помнитъ по моимъ теперешнимъ рассказамъ. Я за особенное удовольствіе считалъ и считаю быть ему полезнымъ и постараюсь что нибудь сдѣлать для него чрезъ гр. Толстаго и гр. С. Г. Строгонова, крестнаго отца его Вани. Просили К. П. Побѣдоносцева похлопотать за него въ своей сферѣ и написать, къ Погодину и Аксакову. Обѣщался. Онъ близко зналъ Лажечникова, тоже съ дѣтства.

Молодой графъ Леонидъ Комаровскій прислалъ мнѣ свое кандидатское разсужденіе „Очерки Рима въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи“. Мнѣ очень понравился этотъ молодой человекъ, преданный добросовѣстно своимъ университетскимъ занятіямъ (это такъ рѣдко нынче) и воспитанный родительскою заботливостію нравственно и

*) См. выше стр. 191.

религіозно. Онъ пользовался моими совѣтами и моею бібліотекою. Цѣль его, со временемъ, занять катедру по юридическому факультету, послѣ усовершенствованія себя въ наукѣ въ Берлинѣ или Боннѣ. При деликатномъ здоровьѣ мнѣ казался онъ и деликатнаго ума. Это умъ сборный, прибрѣтенный, несамостоятельный. Такое впечатлѣніе оставилъ онъ во мнѣ съ 1863 г. Можетъ быть, онъ разовьется (ему 24 года) и укрѣпится. Можетъ быть дастся ему и наука. Онъ стойтъ строго за безкорыстную преданность и нравственную чистоту. Очерки написаны, кажется, по взятой у меня книгѣ Беккера (и Марквардта) съ прибавленіями и указаніями на тексты. Самостоятельнаго тутъ ничего нѣтъ.

Дождь наградъ, 2 Апрѣля, по обыкновенію чиновъ и орденовъ несмѣтное число, и все это такъ щедро, до расточительности, что никто, думаю, не прилагаетъ никакой важности и только ропщутъ на вычеты. Все это распушенность, разнузданность и расточительность.

Государь не христосовался.

Въ „Петербургской Газетѣ“ въ № отъ 17 Апрѣля повторена статья „Вѣсти“ противъ Милютина, и военная организація представлена революціонною, ослабляющею могущество государства, а мысль объ округахъ заимствована у Пестеля, главнаго заговорщика 14 Декабря. И серьезные люди порицаютъ Милютина за то, что положеніе о производствѣ въ офицеры, выработанное въ виду крайняго недостатка въ офицерахъ, не было имъ внесено въ Государственный Совѣтъ. Что касается учрежденія округовъ, то оно взято съ Французскаго.

Увольненіе Мельникова одобряется всѣми. Злоупотребленія вѣдомства путей сообщенія достигли огромныхъ размѣровъ и сдѣлались промышленностію нашихъ магнатовъ.

„Москва“ Аксакова запрещена окончательно. Два голоса въ Госуд. Совѣтѣ, Титова и Княжевича, потонули. Я и прежде находилъ, что тутъ нѣтъ мѣста разногласію. Министръ имѣетъ за себя формальное право. Оно юридически не оправдывается, но оно есть.

Кассачія наша все болѣе и болѣе сводится на школьничество. Сегодня мы собирались, чтобы условиться кому и куда бѣжать. Зубовъ просится на шесть мѣсяцевъ, Буцковскій на четыре, Стояновскій на три. Мы хотимъ удалиться отъ опасности и оставить ее расти безъ насъ, надѣясь, что авось безъ насъ-то покончатъ съ ней? Родоначальники кассачіи совершенно въ ложномъ положеніи. Плавскій уже бѣжалъ. Любоцинскій открыто отзывается о ней съ презрѣніемъ. Матюнинъ собираетъ врачей, чтобы актомъ ихъ заручить себѣ продолжительный отпускъ. Не унываетъ, кажется, одинъ Войцеховичъ. Онъ озабоченъ составленіемъ отчета и, кажется, вѣрить въ будущность кассачіи. Карамзинъ не даетъ ей и года жизни. Паленъ улыбается: я тафно кафа-

рилъ! Я не возьму никакого особаго отпуска, чтобы не дать повода утверждать, что всѣ работники бѣжали отъ работы. Постараюсь на вакантѣ что нибудь сдѣлать.

„Голосъ изъ земства“ (Кошелева) не заключаетъ въ себѣ обстоятельнаго обзорѣнія нашего земскаго дѣла. Это умѣренный отголосокъ той же партіи, которой съ заносчивостью служитъ „Вѣсть“. Это сборникъ о многомъ, но не фактовъ, не чисель, а личныхъ воззрѣній Кошелева, Аксакова, Самарина. Если есть рѣчь о земствѣ, то собственно о Рязанскомъ и — можетъ быть даже тѣснѣе — о Сапожковскомъ. Записки „объ Училищѣ Правовѣдѣнія“ Устимовича были бы поразительны своею откровенностью (о ничтожности и даже вредѣ этого заведенія), если бы молодой правовѣдъ издалъ книжку до гр. Палена и не явно потворствовалъ господствующему теперь духу противъ „правовѣдческой карьеры“. Устимовичъ сдѣланъ товарищемъ предсѣдателя въ Одессу, гдѣ господствуетъ другой ренегатъ — Шахматовъ. Если отъ этихъ партій мы обратимся къ интимнымъ объясненіямъ собственно о литературѣ, то гг. Суворинъ, Антоновичъ и Жуковскій представляютъ образчикъ той безцеремонности отношеній къ гласности, которыми щеголяетъ свобода, дышущая и въ рѣшеніи Государ. Совѣта по шумному дѣлу о „Москвѣ“, довольно глуповато возбужденному министерствомъ безъ толку и цѣли. Интимныя отношенія, въ выраженіяхъ своихъ, доходятъ до цинизма. Это тѣже оперетки Оффенбаха и сцены у мирового судьи Михайлова и Носа. Эпоха отражается во всемъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе наступилъ поворотъ. Займы и усиленные заработки на желѣзныхъ дорогахъ отдаляютъ кризисъ; но онъ будетъ тѣмъ сильнѣе. Расточительность, распущенность и увлеченія имѣютъ свои предѣлы. Курсы все не поднимаются, военное положеніе почти нормально, броженіе умовъ усиливается. Нравственно и социальное время смутное. Выражается-ли оно въ „Признакахъ времени“ Салтыкова?

Тогда какъ судебная реформа встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ уѣздахъ и на окраинахъ имперіи, тогда какъ охранительное производство уже и теперь готовится измѣниться въ гипотечное, тогда какъ мы, кассаторы, и общее мнѣніе сильно порицаемъ выборъ личнаго состава судовъ и особенно палатъ (особенно Московской), прекрасно сложился и развивается институтъ присяжныхъ повѣренныхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Въ уѣздахъ онъ едва-ли возможенъ, и за отсутствіемъ повѣренныхъ состязательность уголовного процесса тоже едва-ли возможна. Но какъ ни хорошъ этотъ институтъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ нынѣшнемъ году въ немъ обнаружилось явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія. Число вновь вступающихъ уменьшается, а число выбывающихъ увеличивается. Это можетъ угрожать

разстройствомъ корпораціи. Огромность гонорара привлекаетъ въ адвокатуру и членовъ суда (Вицынъ) и товарищей прокурора (Герке, лучший цивилистъ) и даже прокурора (Деппъ), а съ другой стороны: а, отягочительность обязанностей, особенно по дѣламъ уголовнымъ и правобѣдныхъ, б) требованіе повѣренныхъ во вновь открываемые округа, и в) строгость отвѣтственности предъ совѣтомъ присяжныхъ, тогда какъ свободная адвокатура, всѣмъ доступная, не несетъ ни одной изъ этихъ обязанностей. Частный повѣренный кн. Урусовъ въ Москвѣ занимаетъ преобладающее положеніе и не хочетъ быть ни кандидатомъ на судебныя должности, ни присяжнымъ повѣреннымъ. Конечно всего дѣйствительнѣе было бы предоставить корпораціи законную монополію, но я всегда считалъ это вреднымъ и вообще монополію и исключительность не въ духѣ нашего времени. Вообще, по многимъ общимъ и частнымъ моимъ соображеніямъ, я думаю, что судебная реформа, задуманная а priori, людьми незнающими Россіи и переведенная съ Французскаго, требуетъ пересмотра. Я думаю предъявить это требованіе во второй половинѣ ваканта, если буду первоприсутствовать.

Май, а какое затишье въ дѣлахъ политическихъ! Ожиданія не оправдываются. Войны нѣтъ. Ложное, натянутое положеніе продолжается. Наполеонъ переноситъ всѣ униженія и надѣется на новые выборы; сѣверный союзъ, въ ожиданіи войны, развивается и укрѣпляется медленно; въ Англіи демократизмъ (Гладстонъ) начинаетъ брать верхъ, а Алабамское дѣло грозитъ рѣчью Сомнера и національнымъ мщеніемъ. Испанская революція на дняхъ выразится. Торжество д'Орлеана будетъ новымъ униженіемъ Франціи и торжествомъ умѣренной демократіи. Отъ умѣренной до радикальной недалеко, а отъ радикальной до Мадзини и социализма одинъ шагъ. Не рѣшится-ли на этотъ шагъ Декабрьскій соборъ Папы? Въ корчахъ умирающаго возможны всякія движенія, а соборъ долженъ будетъ доказать, что успѣхи вѣка отодвинули значеніе духовенства, а при покровительствѣ Наполеона, на самый задній планъ.

Международная выставка цвѣтовъ и проч. Прекрасная картина (жаль, мало свѣту). Но едва-ли не только. Названіе международная—немножко притязательно. Выставка даже не Всероссийская, а просто Петербургская. Главнѣйшіе и лучшіе экспоненты—сановники императорской фамиліи и Аптекарскаго острова. Немного Бельгійцевъ, немного Голландцевъ и два Англичанина. За то много медалей и много посѣтителей. За мноіе расходы Петербургъ не постоитъ. Расточитель этотъ на томъ стоитъ съ самаго своего основанія. Дурной каталогъ. Мало научности.

Сенаторъ К. К. Петерсъ командированъ въ судебныя округа для изученія причинъ неудовлетворительнаго состоянія слѣдственной части

(судебныхъ слѣдователей). Не состоится-ли командировка и для изученія судовъ, особенно кассаци, которая тонетъ въ массѣ дѣлъ? Прежде докладывалось множество, теперь клика наша, получивъ отказъ въ усиленіи канцеляріи, прибѣгаетъ къ другому фортелю. Она хочетъ накопить дѣлъ и тѣмъ вымочь принятіе какихъ нибудь мѣръ способныхъ даже переломать кассацию, которая всѣхъ тяготитъ и путаетъ. Последнее важнѣе вопроса о личностяхъ и отяготительности. Произвольныя и противорѣчивыя рѣшенія, уже многократно выставленныя и въ газетахъ, способны произвести и производить смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ. Я это повторяю. Сенаторъ Полнеръ (бывшій предсѣдатель Харьковской Палаты) передавалъ мнѣ, въ какомъ затрудненіи находятся судебныя мѣста, выбирая для своего руководства неясныя и противорѣчивыя рѣшенія кассационнаго департамента. Онъ особенно ударялъ на извѣстное дѣло объ Умецкихъ.

Послѣ записокъ д-ра Бата прочелъ я „Кверетаро“, листки изъ записокъ принца и принцессы, жены его Агнесы Сальмъ-Сальмъ. Тоже впечатлѣніе, но еще болѣе рекриминацій и сплетень. Принцъ и принцесса (Американка) порядочные авантюристы, чрезвычайно легковѣрны и легкомысленны. И тотъ и другой слишкомъ выставляютъ себя. Американка, съ большимъ практическимъ смысломъ (что Максимилиана разстрѣляютъ, тогда какъ всѣ Европейцы были увѣрены, что не смѣютъ разстрѣлять), рассказавъ прекрасную сцену, когда она, принцесса, бросилась въ ноги Жуарецу и умоляла о помилованіи императора, она, Американка, вдругъ переходитъ въ шаржъ, предлагаетъ: если непременно нужна жертва—разстрѣляйте меня. Кромѣ этой глуповатой выходки, непонятно еще поведеніе Агнесы въ Мексикѣ, когда мужъ и императоръ, въ отчаянномъ положеніи, осажены въ Кверетаро. Должно полагать, что она служила тутъ эмиссаромъ и подкупала либераловъ. Записки принцессы не искренни и неясны. Могла-ли она входить въ обязательства и условія съ либералами, не имѣя уполномочія отъ Максимилиана? Могла-ли она жить покойно на дачѣ, когда императоръ и мужъ были въ такомъ страшномъ положеніи?

Яснѣе, для меня, представляется теперь эпизодъ объ измѣнѣ полковника Мигуеля Лопеса. Если онъ и измѣнилъ, то развѣ только этимъ приблизилъ катастрофу нѣсколькими часами—днемъ—ранѣе. Положеніе было безвыходное. Всѣ преимущества были на сторонѣ либераловъ. За императоромъ оставалась горсть иностранцевъ. Ни войскъ, ни пороха, ни денегъ, ни свѣжихъ припасовъ нѣтъ, не было. Принцъ Сальмъ и самъ императоръ нуждались въ рубашкахъ. Принцесса нашла мужа (потомъ) „какъ изъ помойной или сорной ямы“ (развѣ разграбили?)

Вообще Мексика представляется въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Лопесь могъ измѣнить и изъ патриотическихъ убѣжденій. Гораздо важнѣе измѣна Маркеза. Французы и онъ привели Максимилиана къ смерти. Не невиновата въ этомъ и императрица Шарлотта, которая уѣхала въ Европу и съ ума сошла.

Нѣтъ, исторія Мексиканской катастрофы еще ожидается. Я, такъ сильно пораженный ею (видѣніе подь Волховымъ, въ 1867 г.) слѣжу за каждымъ явленіемъ.

Боюсь я, чтобы распоряженіе министровъ графовъ Палена и Толстаго о неприемѣ на службу по судебному вѣдомству студентовъ, которые „не представляютъ удостовѣренія, что они не имѣли никакого участія въ противузаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или установленнымъ властямъ и правиламъ“—чтобы распоряженіе это, довольно безцеремонное и произвольное, не вызвало „проявленій“ неудовольствія и справедливаго ропота не только университетской молодежи, но и публицистики. Въ наше время и не такая мѣра—ограничивающая права политическія—навлечетъ порицанія и упреки. Слова „никакого участія“, „неуваженіе“, „установленныя власти и правила“ такъ эластичны, что иной консервативный университетъ можетъ лишитъ этого удостовѣренія всѣхъ студентовъ, а другой, менѣе разборчивый въ средствахъ, сдѣлаетъ изъ этого выгодную спекуляцію. Мнѣ кажется, университетскіе совѣты должны отозваться на эту „Вѣст-ную“ и вѣскую мѣру постановленіями правилъ, которыя бы парализировали эти „проявленія“ консервативнаго произвола. Я не совсѣмъ понимаю здѣсь джентельменнаго гр. Палена. Распоряженіе его, съ которымъ согласился и умный гр. Дм. Анд. Толстой, лишено законнаго основанія и грѣшитъ внутренней неправдой. Университетскіе шалуны—это, большею частію, народъ даровитый, таланты. Герцены, Вѣлинскіе, Полежаевы, и мн. др. народъ даровитый. Лишать себя этого контингента значить призывать людей посредственности. И почему распоряженіе это не коснется ни Лицея, ни Училища Правовѣднія?

Буду записывать хронику этого „проявленія“ M-eurs de „Вѣсть“.

Не знаю, до чего дойдемъ мы далѣе. Журналъ „Заря“, говоря о редакторѣ лучшаго нашего періодическаго изданія „Вѣстника Европы“ описываетъ, какъ г. Стасюлевичъ „отплясываетъ ораторскій канканъ“. Слова: „клевета“ „пасквиль“ бросаются на право и на лѣво. Пререканія доходятъ до площадной брани, до суда за обиду и диффамачію. И это въ журналахъ серьезныхъ! Чего не позволяютъ себѣ „Русскія Вѣдомости“, „Петербургская Газета“, Илья Арсеньевъ, Зарудный? Странно для меня то, что безцеремонность не умѣряется, а какъ бы растетъ. Цинизмъ на сценѣ, цинизмъ въ фельетонѣ, цинизмъ въ повѣсти. Онъ переходитъ въ

критику, онъ готовъ перейти въ науку. Въ спорѣ о классическомъ и реальномъ онъ уже явился, въ самомъ „Вѣстникѣ“. Чтобы убить классицизмъ XVI ст. достаточно прочесть защиту его академикомъ Наукомъ въ календарѣ на 1864 г. Отнынѣ классицизмъ—есть специальность, какъ Санскритскій языкъ, сельское хозяйство, физиологія и проч. Современная образованность такъ широко раскинулась, что на первомъ планѣ стоитъ Космосъ, все закрывающій и все поглощающій, и въ немъ, съ однимъ изъ безчисленныхъ его отдѣленій, видѣется Римскій міръ, нумизматика, химія и мн. др. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ могли устоять, въ настоящемъ видѣ, наши физико-математическіе факультеты съ ихъ многочисленными предметами, изъ которыхъ каждый способенъ разростись въ особый факультетъ.

Читаю я „Изъ мемуаровъ одного Русскаго Декабриста“ (барона Андрея Розена), Лейпцигъ, 1869 г. Это едва-ли не первое частное описаніе извѣстнаго событія 14 Декабря 1825 г., обнимающее какъ этотъ знаменитый день, такъ и послѣдующія судьбы Декабристовъ до 1839 и 1856 г., когда всѣ они помилованы и возвращены съ правами въ Россію. Розенъ, воспитывавшійся съ Рылѣвымъ въ кадетскомъ корпусѣ, проведеншій почти всю жизнь въ Русской гвардіи и въ Русскихъ казематахъ въ Сибири (Чита и Петровскъ) и на Кавказѣ, женатый на Русской, былъ однако Нѣмецъ и остался Нѣмцемъ. На послѣдней страницѣ мемуаровъ страдальца записано обвиненіе генерала Головина въ православной пропагандѣ между Эстами и Леттами. Самъ ли Розенъ писалъ эти мемуары или диктовалъ ихъ, во всякомъ случаѣ они не записывались современно событіямъ и во всемъ рассказѣ носятъ печать спокойствія и признательности къ прошлому. А любопытна жизнь „несчастныхъ“ въ общей комнатѣ въ Читѣ и въ отдѣльных номерахъ въ Петровскомъ Заводѣ. Это маленькая коммунистическая община, состоявшая изъ представителей лучшей Русской аристократіи. Оставленіе ихъ вмѣстѣ была милость, въ корнѣ смягчавшая тяжелое наказаніе. Эта милость довершалась назначеніемъ коменданта Лепарскаго, человѣка истинно добраго и просвѣщеннаго. Съ какимъ удовольствіемъ описываетъ Розенъ житье-бытье въ Читѣ и Петровскѣ съ князьями Трубецкимъ, Волконскимъ, Шаховскимъ, Одоевскимъ, съ Нарышкинымъ, Муравьевыми, Бестужевыми и мн. др., съ которыми въ Петербургѣ Остзейскій баронъ могъ видѣться развѣ только на ученѣ и парадахъ! А къ этому сонму аристократовъ присоединились и богини Олимпа, способныя украсить великій дворъ и лучшій цвѣтъ человечества: Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина, Полина Анненкова, Юшневская. И всѣ, или большая часть ихъ, съ талантами, съ молодостью и огромными средствами. У нихъ тотчасъ явились и мастерскія, и

оркестръ, и хоры, и библиотека, и газеты. Я зналъ многихъ изъ возвращенныхъ Декабристовъ: Нарышкина, Свистунова, Евгенія Оболенскаго, Серг. Кривцова, гр. Зах. Чернышева, Батенкова и др., и ни на одномъ (кромѣ Батенкова, одичалаго) нельзя было видѣть ни слѣдовъ страданій, ни потрясеній нравственныхъ, ни даже коренныхъ измѣненій въ убѣжденіяхъ. Личности женскія отгѣняются какимъ-то неземнымъ блескомъ любви и преданности. Простыя воспоминанія барона Розена гораздо болѣе говорятъ сердцу нежели кудрявыя и витіеватыя измышленія Дюма. Желательно бы изданіе подобныхъ записокъ или воспоминаній кого нибудь изъ Русскихъ. Они должны быть,—и будутъ. Увы! грозная непомятая строгость приговора 1826 г. разрѣшилась самымъ несотвѣтственнымъ для ея цѣли образомъ. Излишняя строгость ведетъ къ безнаказанности. Изъ кровавой драмы Николая вышла идиллическая жизнь благородной колоніи, которая разливала вокругъ себя благодѣянія, и къ ней обращались благословенія въ Азіи и лучшія симпатіи въ Европѣ. Возстаніе 1825 г. есть *безуміе*. Мемуары Розена не разъясняютъ его. Какъ могли поддаться этому безумію Рылѣвы, Пестель, Юшневскій, Лунинь, Нарышкинь? Лучшіе мемуары должны объяснить это. Книжка Розена читается скоро и съ удовольствіемъ.

Кассачія,—кассачія меня сокрушаетъ. „Судебный Вѣстн.“ въ печатаемыхъ имъ текстахъ безпрестанно ловить насъ въ противорѣчивыхъ рѣшеніяхъ, которыя однако служатъ для всѣхъ руководствомъ. Здѣсь г. Арцимовичъ объясняетъ, что въ основаніе судебного приговора принимается не одно рѣшеніе присяжныхъ, но и другія обстоятельства дѣла, обнаруженныя при судебномъ слѣдствіи. Тамъ г. Стояновскій объясняетъ, что камера присутствія есть камера, устроенная согласно 2 т. Св. Зак., и на этомъ основаніи г. Буцковскій толкуетъ, что камера мирового судьи не есть такая камера, а г. Стояновскій перетолковываетъ, что это именно такая камера. Въ одномъ мѣстѣ г. Зубовъ объясняетъ, что присвоеніе предполагаетъ ввѣреніе движимаго имущества, а въ другомъ, что присвоятся вещи и самоуправно взятыя. Я потому занову въ мою лѣтопись объ этой несчастной кассачіи, что сего дня присланы мнѣ къ подписанію мои Декабрьскія опредѣленія, Богъ знаетъ гдѣ и за чѣмъ лежавшія, а также и опредѣленіе о книгопродавцѣ Павленковѣ, издательѣ сочиненій Писарева и въ нихъ небольшой статьи: „Бѣдная Русская мысль“. Дѣло докладывалъ, т. е. читалъ, г. Стояновскій, а опредѣленіе взялся написать г. Буцковскій. И написалъ. Я остаюсь при моемъ мнѣніи, что перепечатаніе статьи въ 1867 г., разъ пропущенной въ 1862 г. предварительною ценсурой, хотя бы статья эта и подходила подъ 1001 или 1035 ст. (по аналогіи, ст. 151 Улож. и 12 Уст. Уг. Суд.), за силою 99 ст. Улож., должно быть извинено изда-

телю, и потому не приму участія въ преніяхъ о проэктѣ опредѣленія, гдѣ между прочимъ опредѣляется и значеніе аналогіи, и ученіе Бокля объ историческихъ личностяхъ, и значеніе Петра, какъ великаго чело- вѣка. Г. Буцковскій немного размахался. При самомъ вступленіи моемъ въ кассацию, въ Сентябрь 1868 г., я просилъ моихъ товарищей избѣ- гать общихъ разсужденій и держаться преимущественно на почвѣ дан- наго событія. Чтò можетъ быть болѣе шатко какъ толкованіе аналогіи? Чтò за ссылка на Бокля? Какого Славянофила убѣдишь въ величии Петра, и почему эта оцѣнка пришла въ кассацию о дѣлѣ Павленкова? Ничтожная, но дерзкая статья Писарева о „бѣдной Русской мысли“ дѣлается почти историческимъ событіемъ, вызываетъ пренія и споры и—я увѣренъ—вызоветъ противоположныя воззрѣнія и смутныя поня- тія. Нашимъ либераламъ хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить свое одобреніе свободѣ исторической критики и повто- рить уже прежде заявленную доктрину, что напечатаніе и представленіе въ цензуру книги не есть совершеніе и даже не покушеніе, а только приготовленіе, наказуемое только тогда, когда законъ именно наказы- ваетъ за приготовленіе. Но и здѣсь мы впали въ противорѣчіе. Найдя статью неприличною и по закону не подвергающею отвѣтственности, мы однако приказали ее уничтожить. Это не только не либерально и не юридично, но и мало логично.

Писареву нужно было осмѣять не затѣю Петра Алексѣевича и его фокусы, а просто покопаться подъ монархическимъ началомъ и пере- сыпать свою статейку задорными словечками нашихъ современныхъ публицистовъ и фельетонистовъ. Не болѣе послѣдовательности и въ самомъ преслѣдованіи *перепечатанія* статьи. Цензура въ 1864 г. пропу- стила ее. Могла ли она быть запрещена въ 1869 г.? И запрещая статью въ изданіи Павленкова, не набиваетъ-ли Сенатъ цѣну на „Рус- ское Слово“ 1862 г. и на „двѣ статьи“, перепечатанныя (таже „бѣдная Русская мысль“, но безъ заглавія)? Желая услужить правительству и удружить публицистамъ, рѣшеніе нелогичностью своею путаетъ и ту и другую сторону.

Замѣчательное наблюденіе дѣлаютъ сего дня „С.-Пбургскія Вѣдо- мости“. Оказывается, что канцлеръ кн. Горчаковъ и министръ гр. Дм. Толстой сообщаютъ правительственные акты прежде въ редакцію „Москов. Вѣдомостей“, а потомъ уже въ „Правительств. Вѣстникъ“. Замѣчательно. Публицисты и особенно М. Н. Катковъ становятся открытою силою, и министры заискиваютъ.

Прочелъ я біографическій очеркъ „Т. Н. Грановскій“ А. Стан- кевича. Это скорѣе панегирикъ, нежели біографія, но панегирикъ об- стоятельный и добросовѣстный. Замѣчательная личность Московскаго

профессора обрисовывается собственными словами, удачно выбранными биографомъ изъ переписки съ сестрами, друзьями и невѣстой, а потомъ женой. Личность благородная, воспримчивая и довѣрчивая. Личность, немножко самоувѣренная, иногда самообольщающаяся, но всегда чистая, всегда симпатичная, умѣряющая. Личность впрочемъ довольно посредственная, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія науки и общественной дѣятельности. Для науки онъ ничего не сдѣлалъ (см. два тома его сочиненій, вышедшіе вторымъ изданіемъ), никакихъ особенныхъ истинъ не сказалъ онъ и въ публичной своей дѣятельности. Но публичныя лекціи его имѣли большое значеніе, сближая общество съ наукой, давая отпоръ распространявшемуся тогда и усиливавшемуся славянофильству и завоеывая публичному слову право гражданства. Имѣя прекрасныя задатки, готовый принять серьезныя и обширныя обязательства, обласканный студентскимъ и общественнымъ мнѣніемъ, а также и министрами Уваровымъ и Норовымъ, отчего не удался Грановскій, отчего такъ мало написалъ, отчего рано умеръ? Много горя было въ семьѣ, устроить которую онъ, непрактичный, не могъ, много интригъ въ университетѣ, да; но что это за препятствія для таланта? Причину неудачи я ищу во первыхъ, въ плохой предварительной подготовкѣ къ университету, въ беспорядочной жизни юноши дома и въ Петербургѣ, въ разгульной жизни за границей, въ избалованности Московскими аплодисментами и наконецъ—въ бездѣтности. А личность была дѣйствительно замѣчательная.

Такъ, кажется мнѣ, и читаешь себя. Почти годъ въ годъ, такъ и называется. И эта переписка съ сестрою, невѣстой и женою, и это постоянство въ отношеніе ихъ и это постоянное недовольство собою и наконецъ эта памятьливость и особенная любовь прошедшаго. Все это такъ живо напоминаетъ мнѣ самого меня. По разнымъ дорогамъ пошли мы. Мнѣ пришлось пожить дома.

У моей Таты 35 билетовъ внутренняго съ выигрышами займа, кромѣ драгоценныхъ вещей, которыхъ я приобрѣлъ на 500 р. по крайней мѣрѣ. Меня это радуетъ, радуетъ это и жену, превосходный ребенокъ нашъ—*mcs délies* не будетъ въ нищетѣ и зависимости, если бы меня и не стало. Этотъ годъ я очень заботливо торопился откладывать мои сбереженія. Точно инстинктъ говорить мнѣ, что скоропостижная смерть, столь теперь частая, постигнетъ и меня. Господь поможетъ, и я надѣюсь въ непродолжительномъ времени—къ Январю 1870 г.—довести до 60 билетовъ, а это уже капиталъ, съ котораго молодая дѣвушка можетъ получать 600 р. Мало,—да; но это расчетъ крайности, потому что при болѣе продолжительныхъ сбереженіяхъ цифра должна удвоиться и утроиться. Чтонибудь придетъ и отъ продажи Рябинокъ.

Тяжело заботить меня сбереженіе семейства. Хотя—Боже мой—что такое обезпеченіе? Посмотрю я на А, на Б, на В и др. Ничтожность!

Уѣзжая въ Мерекюль, передалъ я сегодня всё оставшіяся за мною опредѣленія по дѣламъ, доложеннымъ въ Апрѣль и Маѣ. Доложено мною, съ 1 Января по Іюня, всего 133 дѣла. Много. Обработано 4, 5-ть. Всё прочія, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, довольно ничтожны, рѣшаемыя за урядъ, подъ стать, иногда огуломъ. Но я все таки повторяю: мы недостаточно цѣнимъ и взвѣшиваемъ важность нашихъ рѣшеній и довольно легонько отвергаемъ (умолчаніемъ или обходомъ: „обойти“) ссылки на наши рѣшенія. Впрочемъ, что же дѣлать? Масса давить. Необходимость извиняеть. А канцелярія и мала и по закону и de facto ничего не дѣлаетъ. По Жидовской натурѣ она занята спекуляціями и, получая большое содержаніе, занимается въ частные секретари, а оберъ-секретарь дурною корректурою и дурнымъ алфавитнымъ оглавленіемъ „Сборника рѣшеній“ думаетъ обезпечить сбытъ втораго изданія своего механическаго „Свода рѣшеній“. Вообще, положеніе Кассационнаго Сената жалко. У насъ нѣтъ хозяина, нѣтъ никакого надзора, нѣтъ даже помѣщенія.

Съ 7 Іюня по 14 Іюля я пробылъ въ Мерекюль (Меркулово) и несмотря на не совсѣмъ благопріятную погоду, провелъ время прекрасно. Нѣсколько дней, особенно въ концѣ, были восхитительные. Чистѣйшій воздухъ, ароматная духота и свѣтлый лучъ напоминали небо и весну Юга. Я вполнѣ наслаждался свободою, окруженный моими дѣтьми, здоровыми, веселыми и прекрасными какъ эти лучи и это небо. Впрочемъ прелесть времени не отвлекла меня отъ работы, которую я себѣ задалъ: по всѣмъ статьямъ уложенія, учрежденія, устава мирового и общаго устава уголов. судопроизводства составить указатель всѣхъ рѣшеній кассационнаго департамента, напечатанныхъ въ 1866, 1867, 1868 гг. Работа кропотливая, одуряющая, но—думаю—полезная, нужная, необходимая. Пора положить основаніе систематико-исторической практикѣ кассационной нашей дѣятельности. Она недостаточно понимаетъ важность своего отправления. Необходимы обузданіе ея увлеченій и легкомысліи, мало останавливаемыхъ недостаточно нашею гласностію и нашею публицистикой. Работа переписана женою, дочерью, сыномъ и его гувернеромъ въ четыре руки, въ четыре дня. Труда много. Если товарищи мои не будутъ почему нибудь противъ, я ее напечатаю подъ заглавіемъ „Справочные листы“ Калеба. Повторяю: нужно дать основаніе кассационной догматикѣ.

Раздраженіе Ост-зейцевъ противъ русской печати—или вѣрнѣе: противъ „Москов. Вѣдомостей“ достигло крайняго предѣла. Катковъ въ передовыхъ статьяхъ почти cadaго № своей газеты бичуетъ Эгарда, Сиверса,

Бокка и особенно Ширрена, бичуетъ рационально и безпощадно. Исключение изъ службы Ширрена и два предостереженія, сдѣланныя редактору S. petersburger Zeitung—пресловутому Вестфальцу Мейеру, ослабляютъ и безъ того не сильную оборону прибалтійскихъ учрежденій и усиливаютъ корреспонденцію въ иностранныхъ Нѣмецкихъ газетахъ. Конечно при свободѣ печати направленіе публицистовъ мало зависитъ отъ правительства. Да и вообще желательно, чтобы правительство поменьше участвовало въ болтовствѣ и полемикѣ, но желательно вообще и то, чтобы правительство приступило къ рациональнымъ реформамъ въ земствѣ и въ городахъ Прибалтійскаго края. И судъ и полиція, и народное образованіе, и городское управленіе тамъ напоминаютъ такую средне-вѣковую исключительность, какой нѣтъ нигдѣ. Ширренъ въ своемъ *lifländische Antwort an J. Samarin* и Егоръ Сиверсъ въ своей брошюрѣ: *Nationalität und Humanität* ссылаются все на капитуляцію Петра I и на высшую Нѣмецкую культуру; но вопросъ: развѣ предъявляется требованіе преобразованій противно капитуляціямъ и унижаетъ культуру?

Два нововведенія особенно пугаютъ Остзейцевъ: введеніе Русскаго языка и православная пропаганда. Но введеніе языка никогда не мыслилось въ семейномъ и общественномъ быту, а пропаганда въ средѣ высшей культуры совершенно немыслима. Я былъ свидѣтелемъ Остзейскаго раздраженія въ Эстляндскомъ мѣстечкѣ, мнѣ даже намекали о моихъ Русскихъ нововведеніяхъ 1844 г. (о которыхъ слѣгка говорили „Москов. Вѣдомости“, кажется въ Декабрѣ 1864 г. и Ю. Θ. Самаринъ въ 7—8 №. „Русск. Архива“ стр. 1245 перепеч. въ Юль 1869 г. „Москов. Вѣдомостями“), на меня косились Русскіе Нѣмцы, но въ разговорахъ съ сенаторомъ согласились, что уступка, въ моемъ смыслѣ, возможна, полезна, даже необходима. Боже мой! Но соглашаясь съ робкими предположеніями моими 1844 г., все прорываетъ плотину, которой за тѣмъ нѣтъ возможности удержаться. Океанъ Русскій затопитъ эту Остзейскую окраину. Я и теперь убѣжденъ въ томъ. Предположеніе 1844 г. полезно и *необходимо*. Кончено. Ваше дѣло проиграно. Какъ тогда, я и теперь скажу: Русскій океанъ зальетъ этотъ островокъ.

Мѣстечко Мерекюль въ Петербургской губерніи, а подсудно Ревелю. Ну есть-ли тутъ смыслъ? Мерекюль принадлежалъ старинной фамиліи бароновъ Арбсхофенъ (тоже не изъ важныхъ, важный не переселится Меченосцемъ въ дикій край), изъ которой послѣдняго представителя я зналъ лично. Теперь мѣстечко, по позднѣйшимъ постановленіямъ, приобрѣтено Чухонцомъ Гентомъ, и ему же Чухонцу принадлежитъ и вотчинная полиція. Ну есть-ли тутъ смыслъ?

Еще заемъ: пустяки, 15 милліоновъ. Да, но заемъ и при томъ процентный. Заемъ, а курсъ не только не улучшается, а падаетъ. Нашъ рубль бумажный ниже именовательной стоимости на 25°. Не съ однихъ международныхъ сдѣлкахъ, но—при желѣзныхъ дорогахъ—и въ сдѣлкахъ внутреннихъ, государство терпитъ огромные убытки. Расходы растутъ, даже увеличиваются, стоимость кредитнаго рубля падаетъ. Чтò тутъ нормальнаго?

Не будучи финансистомъ, я, старый криминалистъ, не могу не отмѣтить, что расточительность центральнаго управленія (жалованье, добавочныя, аренды, награды денежныя, усиленныя пенсіи и т. д.) вызываютъ въ провинціяхъ кражи мѣстныя: крадутъ, расточаютъ казенныя деньги вездѣ, въ Вязьмѣ, въ Крестцахъ, въ Ташкентѣ, въ Нижнемъ и въ верхнемъ...

„Улучшеніе штатовъ“ сдѣлалось поговоркой. Гр. Дм. Толстой призналъ это аксіомой. Вел. Кн. Константинъ родоначальникъ этой аксіомы. Ну, а Русакъ-крестьянинъ чтò говорить? Подати утроились, и все стало дороже. Вздорожаніе при расточительности естественно. Но нормально-ли это? Ненормальность выручается въ настоящее время дарованіемъ льготъ, удачами, благодарностію, pietate. Но явился общее бѣдствіе, холера, голодъ, даже война, и ненормальность эта вызоветъ явленія опасныя: усиленіе преступленій, смуты и явное волненіе. Едва ли тутъ поможетъ и наша гласность. Я не приписываю важности Киргизскимъ волненіямъ въ Оренбургѣ. Вѣроятно новое положеніе (вѣроятно путаница) служить только предлогомъ, а устроено это волненіе султанами, можетъ быть Хивой и Бухарой. Но я приписываю большую важность непомѣрному возрастанію бюджета и постояннымъ займамъ. Я считаю крайне необходимымъ понизить прямыя налоги и принять за непремѣнное правило, чтобы цифра новаго займа была ниже цифры погашенія старыхъ долговъ. Подписка на 15 милл. вѣроятно дастъ сотни милліоновъ, 337½ милліон. и развертка дѣла не очень неуровнительна, но это фарсъ, Петербургская спекуляція, а дутое богатство казны и дѣйствительная бѣдность народа есть событіе несомнѣнное. Я ожидаю выхода втораго „Статистическаго Временника“ и результатовъ, долженствующихъ обнаружиться въ 1871 г., чтобы основать мои убѣжденія и опасенія.

Вотъ я и первоприсутствую, съ 15 Іюля, и почтенные агитаторы Октябрьской пересадки понизились мѣстами, но понизились не по собственной волѣ, какъ я тогда, а по Высочайшему толкованію, отмѣняющему постановленіе общаго собранія Кассационнаго Сената, предвосхищенное честолюбцами и интриганамы. Но дѣло въ томъ, что, предположивъ сдѣлать что нибудь для водворенія хотя бы механическаго порядка въ

дѣлахъ и опредѣленіяхъ, едва ли я смогу что нибудь сдѣлать. Правовѣды, въ большинствѣ которыхъ весь департаментъ, чужды порядкамъ. Рутинѣ уже втерлась и окрѣпла. Настоящихъ хозяевъ ни одного нѣтъ, а временные не только считаютъ себя не въ правѣ, но и не имѣютъ доброй воли. Мои „Справочные Листы“ въ цензурѣ и скоро напечатываются.

Не могу я одолѣть это толстое, безобразное, но порою высокое и грандіозное твореніе заклѣтаго демократа и социалиста Виктора Гюго: „L'homme qui rit“. Записка Жюсіанны къ Гвинплену характеризуетъ этотъ романъ, то сказочный, то эпическій, то лирический, то памфлетическій. „Ты уродъ—пишетъ Герцогиня, я красавица, ты жонглеръ, я герцогиня. Я властительница, ты послѣдній рабъ. Я влекусь къ тебѣ. Я люблю. Приходи“ Здѣсь причудливо погоняетъ невѣроятное, безобразіе спорить съ лучами свѣта, тупоуміе созидаетъ теоріи, и человѣкъ называется ursus, а волкъ—homo. Завываніе морской бури смѣняется свѣтлыми ощущеніями невѣдомой любви къ Деъ, отъ грохота народнаго хохота переходишь къ разслабляющимъ ласкамъ мечтаній и идеализаціи. Свѣтящаяся слѣпота Деи и реализмъ своенравной Жюсіанны исчезаютъ въ потокъ разглагольствованій о значеніи пѣра и лорда, о бѣдствіяхъ толпы и заслугахъ аристократіи. Капризный вымыслъ смѣняется капризною ученостію. Всякая картина переполнена и перемалевана, всякая мысль переломана и выворочена, всякая фраза надточена и перекована. Въ современномъ реалистѣ видѣнъ романтикъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Поэтъ отдался служенію социализма. Исторія выражается зломъ. Узнаетъ ли В. Гюго себя въ этой характеристикѣ?

Довольно часто вижу я съ Софьей Баратынской (рожд. Бобарыкина), которую постигло такое страшное несчастіе. Молодая красавица незапно потеряла мужа (его нашли мертвымъ въ вагонѣ) и осталась, при довольно ограниченныхъ средствахъ, съ тремя малышами: Julie, Sophie и Леля *) по третьему году. Я очень рѣдко прежде видѣлся съ нею и вообще мало ей симпатизирую, но въ настоящемъ ея положеніи сочувствіе есть долгъ. Перстъ Божій коснулся этой семьи и посѣтилъ ее великимъ бѣдствіемъ. Такое посѣщеніе священно, и лучшія чувства должны быть ему отданы. Мнѣ желательно это сближеніе и потому, что при воспитаніи дѣтей я могу быть хорошимъ совѣтникомъ, а Sophie, взросши сиротой, вопроса этого совсѣмъ не цѣнить.

Я боюсь за участь Julie, Sophie et particulièrement Лели мальчика и потому готовъ перенести всѣ капризы красавицы и всѣ требованія несчастія. А капризовъ и требованій довольно. Она не хочетъ измѣнять образа жизни, она желаетъ устроить воспитаніе дѣтей на широкую

*) Внучата Е. А. Баратынскаго, дѣти его сына Дмитрія. П. Б.

ногу и дома. Она думает заняться серьезно науками и языками сама, чтобы направлять воспитание дѣтей. Горе ея велико. Противорѣчие раздражаетъ несчастную. Но самый непродолжительный опытъ убѣдить ее, что все это—требованія неисполнимыя и что кромѣ желаній нужно имѣть и умѣнье обходиться съ лишеніями.

Жена и дѣти такъ довольны своимъ пребываніемъ въ Мерекюль, моими посылками и письмами. Я ненарадуюсь этой перепиской. Какое благословеніе Божіе почіетъ на моему домѣ! Не знаешь, какъ благодарить, дрожишь какъ бы сохранить, придумываешь какъ бы заслужить это благословеніе. Жду не дождусь дня, когда соединюсь съ ними. Будь милостивъ ко мнѣ, Господи! 4 Августа.

Какое новое начало пробивается въ Европейскую жизнь и препятствуетъ ей притти въ нормальное положеніе? Гдѣ это нормальное положеніе? Гдѣ нѣтъ броженія? Нуженъ немножко побольше Наполеона, Бисмарка и Пиа. Эти господа только усложняютъ отношенія, обнимаютъ и господствуютъ положенія мѣстныя, современныя, но нитей общаго объема, нитей будущности они не захватили. Они даже не освоились съ солидарностію или круговою порукой, къ которой привели гласность и парь, все усиливающіеся, все обобщающіе. Тѣнь, призракъ религіи бродитъ по Европѣ, но и онъ исчезнетъ отъ лже-великаго собора. Безвѣріе и матеріализмъ пробиваются живыми силами. Еще сдерживается напоръ собственности, правомъ, преданіемъ и авторитетомъ. Но гдѣ эти преданія и авторитеты даже въ Англіи? Какое огражденіе находитъ право въ положительномъ законѣ, столь подвижномъ, эластичномъ и усложненномъ? Собственность? Какая собственность можетъ считаться прочною и вѣрною при этихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ кредита, налоговъ и спекуляцій?

Всѣ эти Наполеоны, Бисмарки и Пиа избраны орудіемъ къ ускоренію осуществленія грядущаго порядка, а порядокъ этотъ заявилъ себя уже при первомъ, страшномъ переворотѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Геній Германскій требуетъ безусловной свободы индивидуальной. Геній романскій выковываетъ республику. Младшій братъ ихъ, геній Славянскій, вырабатываетъ переворотъ социальный. Личная вѣра, безличная власть и общая собственность—вотъ три фактора нашей будущности, которые такъ трудно уживаются съ старыми порядками, безпрестанно сталкиваются съ ними, грозятъ и близятся къ осуществленію. Начало „совершившагося событія“ *du fait accompli*—признано международнымъ правомъ. Оно перейдетъ и въ положительныя законодательства.

Однако журналы и газеты такъ и впились въ Остзейскій вопросъ. (Все вопросъ!) Въ Москвѣ и Петербургѣ разыгрываютъ его на всѣ лады. Какъ велико преимущество нравственной, культурной силы предъ

матеріальной, доказываетъ борьба этой горсти Нѣмцевъ съ милліонами Русскихъ. Исходъ борьбы несомнителенъ: какъ же не слиться этой застоявшейся лужѣ съ великимъ, разливающимся океаномъ? Но борьба есть. Постепенное введеніе судебной реформы на Русскомъ языкѣ и усиленіе преподаванія Русскаго языка въ школахъ—дѣйствительно исполненныя—давно покончили бы этотъ смѣшной споръ и гораздо болѣе удовлетворили бы требованіямъ общаго населенія, находящагося въ бѣдности, невѣжествѣ и рабствѣ. И можно ли удержаться въ сторонѣ, въ своемъ уголкѣ, этой горсти рыцарства и горожанъ посреди настоящихъ преобразованій, имѣющихъ нескончаемую будущность и всемірное значеніе; въ сѣти желѣзныхъ дорогъ, бѣгущихъ изъ центра Русской имперіи къ побережью Балтійскаго моря, въ стоязычномъ говорѣ публицистики, поучающей и Эстовъ и Латышей? Эта борьба жалка и смѣшна.

За это время раза два три видѣлся я съ семействомъ покойнаго Данзаса (Смотри выше). Положеніе вдовы его и трехъ дочерей довольно печально. Покойный не только не оставилъ имъ никакой почвы, это бы еще ничего—онъ оставилъ ихъ на ложной почвѣ, на которой нельзя долго стоять. Надобно сойти, иначе она провалится. Они перемѣнили квартиру (но все еще занимаютъ дорогую) и не держатъ лошадей, пользуясь ваньками. Они очень веселы и любятъ дворскія и городскія сплетни. Любятъ туалеты и лакомства. Много говорятъ, и иногда всѣ за разъ. Мнѣ болѣе нравится Таша; кажется, она и умнѣе всѣхъ. Прославленная умомъ и сценическимъ талантомъ Ольга слишкомъ самоувѣренна и почти назойлива. Она болѣе другихъ напоминаетъ отца: много говоритъ о себѣ. Хвастаетъ. Таша довольно громко прерываетъ ее „хвастунья“. Болѣе всѣхъ носитъ печаль грусти старшая, Аделаида. Она постоянно удаляется и молчалива. Говорятъ, она очень проста, какъ и старшій сынъ, Сергѣй, слывущій кретиномъ. Нетрудно предсказать, что при нынѣшнихъ средствахъ—довольно значительныхъ—мать и дочери все болѣе и болѣе будутъ уменьшать расходы, понижаться въ знакомствахъ и—и—старѣть. Едва ли дѣвушки устроятся, едва ли старуха не впадетъ въ болѣзни.

Въ Мерекулѣ показалась страшная скарлатина. Избави, Боже! Митя ѣдетъ ко мнѣ. Болѣзнь не распространяется. Я очень озабоченъ. Столько капиталовъ нашей любви въ опасности.

Митя со мною. Онъ пріѣхалъ для акта, на которомъ получаетъ первую награду: листъ и книгу „за отличные успѣхи и отличное поведеніе“. Я покойнѣе. О скарлатинѣ послѣднее письмо не упоминаетъ. На дняхъ я ѣду, и мы соединимся и переѣдемъ въ городъ. Пора. Осень.

21 я поѣхалъ къ семьѣ, провелъ тамъ шесть дней и вернулся со-всѣми чадами и домочадцами—съ немалымъ трудомъ—въ Петербургъ, сей часъ, по утру, въ 6 часовъ. И, Боже мой, что же насъ встрѣтило нежданно-негаданно, въ спальнѣ, на кроваткѣ Таты? Полуразрушенный, полоумный, косноязычный братъ, А. А. Боборыкинъ. Онъ прискакалъ безъ нашего вѣдома, поселился въ спальнѣ. Жена потрясена до костей. Она затряслась и покрылась холоднымъ потомъ. Страшная минута! Страшное положеніе! И никто ни словечкомъ не предупредилъ несчастную сестру, которая, истощенная и усталая, вдругъ встрѣтилась съ такимъ привидѣніемъ. Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на насъ и на дѣтей!

Агитація противъ Нѣмецкихъ порядковъ въ Остзейскихъ губерніяхъ продолжается. И все сильнѣе и раздражительнѣе. Новая книга, Дерптскаго доцента Валькера дѣлаетъ значительныя уступки и останавливается на одномъ—довольно софистическомъ—что отмѣна Нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ и въ судахъ подорветъ Нѣмецкую культуру. Почему, отчего? О томъ ни слова. Русское дѣло очевидно выигрываетъ шагъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ. Эстамъ и Латышамъ выгоднѣе быть Русскими, нежели Нѣмцами. Они этого не хотятъ. Пробужденіе Русской самостоятельной національности сильно взбаломутило наши окраины, и ихъ крики отчаянія удостовѣряютъ ихъ безсиліе и преобладающее вліяніе сплошной массы великаго народа. Еще десятокъ лѣтъ, и это преобладаніе будетъ признано невольнo и уже безъ криковъ.

Въ сенатской типографіи печатается проектъ судебной реформы, содержаніе котораго держится подъ большимъ секретомъ. Надобно полагать, что Русскому языку дано тамъ если не главное, то значительное мѣсто. Иначе нельзя понять назначеніе графа Палена министромъ или онъ не усидитъ. Со введеніемъ Русскаго языка въ правосудіи и съ подчиненіемъ сельскихъ школъ министерству, „Рубиконъ“ будетъ уже въ тылу, и само благоразуміе должно бы потребовать отъ „Нѣмецкой партіи“ искренно примкнуться къ *Русскимъ* преобразованіямъ и съ ними, примирясь откровенно, перестать дрожать за Нѣмецкую культуру. Тогда прекратится эта праздная (?) болтовня, и дѣйствительныя событія замѣстятъ газетныя препинанія, надобѣдающія умамъ серьезнымъ и растрavляющія узкоголовые, поверхностныя. Къ послѣднимъ я причисляю и Ширена и Валькера, а хуже ихъ—это Егора Сиверса и фонъ-Бокка, настоящихъ *обличителей* Остзейской двусмысленности. „Je suis volé“.

Новые выборы во Франціи дали новыхъ людей, и самые приверженцы императора возвысили голосъ и предъявили требованія объ уступкахъ власти. Ловкая власть поддалась. Уступки даны, и статусъ-кво-

сульмъ 6 (18) Сентября вводитъ парламентарную систему управленія, полагая конецъ диктаторскому, которое держалось съ 1852 года: немалый періодъ, періодъ мнимаго процвѣтанія и дѣйствительнаго пониженія политическаго значенія *великой* націи. Это огромный шагъ. И при искренности дѣйствій Наполеона (въ чемъ можно сомнѣваться) возбуждается вопросъ, примирима-ли личность Наполеона (пройдохи и диктатора) съ благороднымъ парламентскимъ правленіемъ? Положимъ, что въ будущемъ пройдоха, не имѣя исхода, подчинится парламенту; но будущее зависитъ отъ настоящаго, которое связано съ прошедшимъ. А прошедшее—этотъ періодъ мнимаго процвѣтанія—охъ какъ дурно! И оппозиція схватится за это прошедшее. Она припомнитъ и безпредметную Итальянскую кампанію, и необдуманную экспедицію Мексиканскую, и непомѣрное возвышеніе Пруссіи, тогда какъ послѣ битвы при Садовой Австрія и вся южная Германія отдавались въ распоряженіе Франціи и представлялся самый удобный случай расчитаться съ могущественнымъ сосѣдомъ и, можетъ быть, приблизиться къ Рейну. Старѣющій и болящій императоръ теряетъ энергію, и со времени Прусскихъ побѣдъ Европейская инициатива не принадлежитъ болѣе Франціи.

Да и внутреннія дѣла много пищи дадутъ парламентской оппозиціи. Постоянная недобросовѣстность правительства въ выборахъ и эгоистическое направленіе въ личныхъ назначеніяхъ, въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, извратили общественный строй и развратили понятія и убѣжденія. Все, даже политическія партіи, сдѣлалось спекуляціей. Надобно прочесть „le 19 Février“ Оливье, чтобы увѣриться въ подлости и предательствѣ правителей новой Имперіи.

Прочелъ я сочиненіе Жюльа ле-Беркье: *le Vaugueau Moderne*. Я повторю прежде сказанное: юридическая литература во Франціи падаетъ. Книжка ле-Беркье, удостоившаяся напечатанія въ лучшемъ Французскомъ журналѣ—*Revue des deux mondes*—есть сборникъ статей, болѣе литературно-историческихъ, довольно посредственныхъ, нежели юридико-догматическихъ, въ этомъ смыслѣ совершенно ничтожныхъ. Самый планъ книги не систематиченъ и разбросанъ. Изложеніе довольно ясно, но растянута. Содержаніе почти бѣдно. Статьи писаны въ разное время, иногда безъ связи одна съ другою и болѣе шиты, нежели вылиты. Довольно хорошо изложено положеніе и вліяніе юристовъ въ первомъ постановительномъ собраніи. Довольно рельефно обрисована дѣятельность Thouret, хотя, кажется, ему приписывается значеніе, которое онъ едва ли имѣлъ и могъ имѣть въ средѣ собранія, гдѣ засѣдали великіе умы и таланты. Особенно невѣжественно истинно-Французское понятіе ле-Беркье о законодательствахъ иностранныхъ, особенно о Русскомъ

(стр. 239). Кромѣ Франціи для Француза ничего нѣтъ. Жалкая литература! И какъ досадно, что на такой вздоръ тратишь дорогое время.

Приближается конецъ моему первоприсутствію. Еще одно засѣданіе. Ничего не могъ я сдѣлать съ нашими неурядицами. Тотъ же произволъ въ распредѣленіи дѣлъ, таже медленность въ изготовленіи опредѣленій, въ посылкѣ указовъ, таже небрежность въ печатаніи. Таже легкая возможность ошибочной редакціи и противорѣчивыхъ рѣшеній (Ихъ насчитывается уже довольно). Доколѣ преобладающая партія правовѣдовъ не ослабнетъ, существующія неурядицы будутъ возрастать. Правовѣдъ и порядокъ не синонимы. Съ назначеніемъ графа Палена положеніе ихъ измѣнилось, но не измѣнились завзятыя ихъ привычки: самоувѣренность и самонадѣянность. Они легонько трактуютъ дѣла, а еще легче обязанности. Ну, ничего не сдѣлалъ, стало быть не съумѣлъ. При этомъ и оставайся. И останусь. Но я въ сотый разъ взывалъ: пересмотрите наказъ.

Въ Мерекюль познакомились и сблизились мы съ семействомъ барона Родрига Григ. Вистромъ, у котораго дочь, Ольга, ровестница Татѣ и также тщательно охраняемая и воспитываемая, какъ и мое сокровище. Вистромъ помощникъ Вел. Кн. Николая, какъ командующаго войсками, человекъ умный, просвѣщенный и очень симпатичный. Баронесса—мачиха рѣдкая, судя по заботамъ ея о дѣтяхъ, особенно объ Eugène, напоминающемъ маленькаго Домби, желавшаго знать, что говорить море. Кажется, съ обѣихъ сторонъ было искательство. И имъ и намъ хотѣлось имѣть товарку дочери. Обѣ дѣвочки сошлись и начинаютъ дружить. Оля нѣсколькими мѣсяцами моложе Таты, и во всякомъ случаѣ наша стоитъ выше. Но, съ другой стороны, Оля бойчѣе и вообще не такъ сосредоточена, какъ Тата и очень веселаго нрава. Но едва ли мы сойдемся во взглядахъ на воспитаніе, которое желаемъ дѣлать совмѣстно. Они смотрятъ какъ на идеаль—прекрасно говорить по французски и прекрасно танцовать. И при томъ все это какъ бы походя, подешевле. Французскій языкъ и танцы для меня совершенно второстепенное дѣло, а за дешевую плату домашнее воспитаніе положительно невозможно. При томъ же и цѣли наши различны. Ольга вѣроятно будетъ при дворѣ, положеніе отца того требуетъ; а моя должна получить образованіе серьезное для кабинета и домашняго круга. Впрочемъ домашнее воспитаніе дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Мы бьемся, чтобы залучить какого-нибудь Флери или Балакирева, а они не находятъ часа времени. Все время ихъ поглощено общественною дѣятельностію, въ заведеніяхъ правительственныхъ и частныхъ. Общій потокъ влечетъ къ одиночности, и должно будетъ

кончить тѣмъ, что Тата будетъ ѣздить въ консерваторію и въ общіе классы.

Дѣйствія Виленскаго управленія составляютъ предметъ постоянной критики нашей бойкой публицистики. Въ самомъ дѣлѣ, и по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, система генерала Потапова отзывается духомъ партіи „Вѣсти“. Несчастный западный край есть ядро Польскаго вопроса, который, съ однимъ царствомъ, конгрессовкой, немислимъ безъ этого края, а между тѣмъ управленіе западными губерніями ввѣрялось и ввѣряется такимъ ничтожнымъ личностямъ, и въ этомъ управленіи столько колебаній, непослѣдовательности и ошибокъ, что общественный строй всего края стоитъ въ какомъ-то легально-враждебномъ отношеніи. Я полагаю введеніе въ преподаваніи Русскаго языка, введеніе земской и судебной реформы сплотили бы край скорѣе и прочнѣе, нежели произвольная и жестокая крестьянская и контрибуціонная реформа. Поляки будутъ впереди (они и въ Петербургѣ впереди), но Поляки Русскіе. Впрочемъ условія вѣры и народности, для нѣкоторыхъ постовъ, не были бы лишними. Но генераль Потаповъ гнетъ въ пользу пановъ, въ пользу польщизны. Онъ беретъ въ расчетъ мѣстныя народности, Жмудь, Бѣлорусцевъ, Поляковъ. Гдѣ же устоятъ этимъ мелкимъ народностямъ, если театръ, школа, судъ и сама церковь заговорятъ порусски? Вообще сплоченіе окраинъ должно считать вопросомъ порѣшеннымъ. Десятокъ лѣтъ, когда водворятся и окрѣпнутъ Русскія учрежденія, и Русское превосходство обойметъ общество въ отдаленныхъ окраинахъ.

Публицистика наша, особенно „Москов. Вѣдомости“, оказываютъ свою дѣятельностію несомнѣнную услугу государству, и въ этомъ отношеніи замышляемая ограниченія печати, затруднивъ эту дѣятельность, будутъ не болѣе какъ отголоскомъ желчныхъ личностей или—много-много—партій, и именно партіи нерусской и „Вѣсти“, о отверженцахъ которой Государь, еще на письмѣ Мих. Безобразова, въ 1858 г., отозвался какъ объ олигархахъ.

Смотрю я каждый день на деверя А. А. Б. и только благодарю Господа за то, что я есмь. *Только по великой Его милости* я есмь что я есмь. Какъ часто я возношу молитву благодарности къ Творцу Небесному за то, что я есть, что я есмь. Я такъ виноватъ.

Смотрю я на семейство Обол. и только благодарю Господа за то, что я есмь. Могло быть что и съ ними. Что и съ Прот. Что и съ Прон. Что и съ сотнями и съ тысячами. *Только великой Твоей милости*, о Господи, обязанъ я тѣмъ, что я есмь. Я много виноватъ и мало заслужилъ. Милость Божія не разбираетъ. Пути ея неисповѣдимы. Но она есть. Вѣрю. Да. Но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость, и на оборотъ, гдѣ милость, тамъ и гнѣвъ. Только вѣрь въ милость. Христось никогда

не гнѣвался. Гнѣвъ Божій, это случайность, отсутствіе милости или непризнаніе ея всеобъемлющаго присутствія. 10 Сентября.

„Справочные (кассационные) Листы мои печатаются медленно. Я думаю составить десятка три общихъ положеній и привести къ этимъ общимъ знаменателямъ наши рѣшенія. Предубѣжденія ко мнѣ моихъ товарищей (большинства правовѣдовъ) останавливаютъ меня въ этихъ работахъ. Г.г. товарищи полагаютъ, что я желаю выставить противорѣчія въ нашихъ рѣшеніяхъ. У меня и мысли о томъ не было. Моими Листами я желаю положить широкія основанія къ изученію кассаци и легкостію справки съ прежними рѣшеніями предупредить противорѣчія, которыя и теперь уже численны, и теперь уже способны произвести смущеніе. Наши основанія весьма зыбки. По дѣлу Дурова прочтено такое свѣдѣніе, которое не могло быть читано, а между тѣмъ оно зарѣзало подсудимаго: мы не кассировали. По дѣлу купцовъ Трофимовыхъ прокурору недозволено было прочесть ни одной изъ четырехъ бумагъ въ дѣлѣ, и мы оставили протестъ прокурора безъ уваженія, хотя оправданъ явный подлогъ, въ которомъ письменно сознался самъ подсудимый.

Ограждается-ли правосудіе уставами 20 Ноября 1864 г.? Вотъ вопросъ, который я сдѣлалъ товарищамъ моимъ при совѣщаніи по дѣлу Трофимова. Всѣ взглянули на меня съ недовѣріемъ. Я жду подробнаго отчета о послѣдствіяхъ кассаци на мѣстахъ, чтобы сказать мое окончательное мнѣніе.

Прочелъ я романъ Ауербаха: „Das Landhaus am Rhein“. Къ концу я былъ измученъ безпрестанными потрясающими событіями, которыми раздражается пятый томъ этого длиннаго романа, растянутого побочными отступленіями и иногда исполненнаго невѣроятными, мелодраматическими, въ родѣ Французскихъ, происшествіями. Но романъ превосходный, задуманъ широко и глубоко и приковываетъ читателя. Интересъ растетъ постепенно и постоянно. Живыя, сильныя личности соприкасаются съ вами. Видишь прекрасныя картины Прирейнской природы и жизни. Вникаешь въ психологическія явленія дѣйствующихъ лицъ. Поражаешься смѣлою обстановкою, проникаешься участіемъ, ждешь и придумываешь развязки и нерѣдко удивляешься изобрѣтательности автора и послѣдовательной вѣрности его героевъ: Зонненкампа, Эриха, Роланда, Манны и Клодвига и матери-профессорши, и этой загадочной графини Белы.

Я предпочитаю этому роману (немножко трактату, мелодрамѣ) романъ *Auf der Höhe*, изящное, высокое выраженіе блеска и простоты, страсти и благородства. Но я хочу дать отчетъ и о „Дачѣ на Рейнѣ“. Во многомъ онъ оскорбляетъ здравый смыслъ. Идеальная Манна, такъ упорно не соглашавшаяся оставить монастырь, такъ легко оставляетъ

его по желанію Роланда. Этотъ идеаль ужъ очень пофранцузски отдается Эриху, цалуясь какъ героиня Федѣ и оставаясь такъ мало подвижна при проповѣди пастора, когда онъ вызывалъ, на похоронахъ матери (жертвы срама и несчастія) посвятить себя Богу.

Зонненкампъ напоминаетъ какія-то героическія времена, когда цѣльность человѣка была внѣ всякаго вліянія семьи, общества и образованности. Сцена во дворцѣ съ княземъ и Адамомъ (совершенно невѣроятная по этикету дворовъ и по княжескому достоинству) представляетъ его какимъ-то дикаремъ, а сцена исповѣди предъ почетнымъ судомъ переполняетъ всякую мѣру насмѣшки и презрѣнія. Отношенія его къ Белѣ во время суда и при побѣгѣ совершенно мелодраматическія, à la V. Hugo, а до этого обликъ Белы выступалъ рельефно и естественно. Счастливыѣ обрисованы Эрихъ и Роландъ; но образъ Эриха, гуманиста не новъ, а для Роланда романъ начинается только въ концѣ романа, когда въ Америкѣ онъ сходится съ семействомъ доктора Фритца. Не совсѣмъ ясна фигура Прайкена, загадочны и Церера и Мильхъ, которые все знаютъ. Докучливы майоръ-барабанщикъ и учитель Кнопфъ. Прекрасно обрисованы графъ Клодвигъ, гражданинъ Вейдманъ и д-ръ Рихардъ.

Для меня собственно интересенъ былъ планъ воспитанія. У меня есть свой Роландъ. Въ этомъ отношеніи книга не доставила мнѣ желаемыхъ данныхъ и ничего новаго. Уединеніе, Франклинъ и corpus juris Ейнзиделя и у меня были на сценѣ, но я Эриха не нашелъ, а самъ, какъ отецъ, имъ быть не могъ. Загадочно и то, чтобы такая блестящая личность, какъ капитанъ-докторъ, товарищъ царствующаго государя, не нашелъ въ наше время другой дѣятельности, какъ идти въ частную службу къ Американцу, грубому богачу съ глуповатой женою.

Проясняется-ли идея „вселенскаго собора“ въ Римѣ? Протестація отца Гіацинта и Нѣмецкаго духовенства, какъ протестантскаго, такъ и католическаго, удостовѣряетъ въ томъ, что Римской церкви грозятъ новыя ереси, новыя отпаденія. Можетъ быть, Папа останется съ одними Іезуитами. Какой новый всеобъемлющій догматъ придумаетъ этотъ католическій домашній соборъ? Очевидно, онъ вызоветъ въ тѣсной средѣ своей разномыслія и внутренній раздоръ. Думать о воссоединеніи церковей немислимо. Допустить переменны въ отношеніяхъ церкви къ государству никто не согласится. Связанный по рукамъ и ногамъ своими силлабусами, либераль 1847 г. созываетъ соборъ, чтобы сознать свою несостоятельность. Есть конечно и другой исходъ, о которомъ можетъ быть, мечталъ Шатобрианъ, но который едва ли доступенъ для тѣсной главы Римскаго клирика. Это осуществленіе евангельскаго ученія Христа не на словахъ, а въ дѣйствительности. „Брось, богачъ, все и иди за

Мною“. Другими словами: *la propriété est un vol*. Милліоны неимущихъ послѣдуютъ этому вызову. Соціализмъ получить святость догмата. Но Папа первый долженъ показать примѣръ самоуничженія. Папа думаетъ совсѣмъ иначе.

Графъ Толстой ведетъ къ радикальнымъ реформамъ въ духовенствѣ и находитъ сочувствіе въ просвѣщенныхъ его членахъ, но за то рѣшительное несочувствіе въ непросвѣщенныхъ (преимущественно сельскихъ) и въ высшей монашеской іерархіи. Мнѣ извѣстны мнѣніе объ этомъ покойнаго Филарета, мнѣніе Иннокентія Московскаго. Не знаю, какъ думаютъ объ этомъ Платонъ, Макарій и др. высокіе сановники церкви, но митрополитъ Исидоръ рѣшительный противникъ этихъ „новшествъ“. Борьба, которая другой годъ ведется имъ со съѣздами духовенства, пробирается въ газеты, и общественное мнѣніе готово осудить упрямыхъ старцевъ. И осудить несправедливо. Греческая церковь со временъ Константина была и остается учрежденіемъ государственнымъ, почти полицейскимъ. Этимъ объясняется малая доля участія церкви въ гражданственности народа. Она жила и двигалась внѣ своей сферы, связанная свѣтскою властію, и выродилась въ обрядность. Реформы необходимы, и нынѣ предпріятыя касаются насущныхъ потребностей церкви. Но тѣмъ-ли путемъ онѣ совершаются? Правда, онѣ проводятся чрезъ Синодъ, въ усиленномъ его составѣ. Но чтò такое Синодъ? Онъ составленъ изъ специалистовъ, которые знаютъ дѣло, но съ ними и при томъ надъ ними стоитъ какой-нибудь Ягужинскій съ своей канцеляріей и высочайше утвержденнымъ докладомъ, съ перспективой наградъ и назначеній. Ни народъ, ни общество, ни само духовенство не вѣрятъ въ авторитетъ Синода, еще менѣе въ авторитетъ первенствующихъ его членовъ, какъ Исидоръ и Иннокентій. Подобныя коренныя мѣры требуютъ, кажется, освященія соборомъ духовенства не вселенскимъ который невозможенъ, но Всероссійскимъ, какіе у насъ бывали. Такія мѣры вырабатываются и принимаются не канцелярскою ловкостію, но съ гласностію и торжественностію, подобающими церковному устройству. Введеніе коренныхъ мѣръ другимъ путемъ встрѣтитъ глухое противодѣйствіе, какимъ встрѣчено напр. постановленіе о попечительствахъ или, чтò еще хуже, породить, въ невѣжественныхъ массахъ расколъ, который сопровождалъ у насъ всякія „новшества“ въ церковномъ благоустройствѣ.

Продолжаю я читать Остзейскіе памфлеты. Новая брошюра ф. Бокка: *Der deutschrussischer Conflict* ничего не приноситъ новаго, а многое искажаетъ въ старомъ. Онъ умалчиваетъ, какъ Остзейцы, тѣснимые Иваномъ Грознымъ, обращались къ императору и какой отвѣтъ отъ него получили. Боккъ выражаетъ полнѣйшую надежду на защиту

Германіи, гдѣ есть для этого и „мужъ“ на все великое способный. Эти памфлеты только раздражаютъ умы, особенно умы молодые. На дняхъ была манифестація (ночная кошачья музыка и выбитіе стеколь) противъ доцента Валькера, о которой производится формальное слѣдствіе. Попечитель Дерптскаго округа, гр. Кайзерлингъ подалъ въ отставку. Много кафедръ не занято. Едва-ли въ Дерптскомъ, университетѣ (это гнѣздо остзейщины) не будетъ того же, что въ Варшавскомъ. Раздраженіе Остзейцевъ достигло крайнихъ предѣловъ. Человѣкъ въ такомъ положеніи обыкновенно дѣлаетъ непослѣдовательныя движенія, сбивается и падаетъ.

Кассація не оставляетъ озбочивать меня постоянно. Она кромѣ противорѣчивыхъ рѣшеній, производящихъ смуту, грозитъ выродиться въ формализмъ какъ теорія незаконныхъ доказательствъ. Съ самаго вступленія моего я старался: 1) не выработывать, не касаться началъ, а держась даннаго случая, предоставить времени изъ массы данныхъ выработать доктрину; 2) изъ частныхъ общихъ вопросовъ я желалъ провести то правило, что на подсудность и на преданіе суду допускать кассационныя жалобы, независимо отъ рѣшенія по существу, нельзя: „мы уже рѣшали такъ и потому связаны“. 3) Незъявленіе въ сутки неудовольствія лишаетъ права на обжалованіе. Сутки! А подсудимые не вызываются, дѣла рѣшаются и приговоры объявляются безъ ихъ бытности. Да и что значить суточный срокъ, если есть еще двухнедѣльный? 4) Всемогущая 119 ст. Уг. Суд. требуетъ болѣе точной обстановки. Она явно злоупотребляется и судьями и съѣздами. 5) Столкновеніе подсудностей уголовной и гражданской является безпрестанно, особенно при закладахъ, при торговлѣ по довѣрію къ приказчикамъ, и 6) канцелярскіе* лорядокъ у насъ въ движеніи дѣлъ и опредѣленій. Здѣсь не только нѣтъ порядка, но и тѣни порядка. Произволь и хаосъ.

И порознь, и въ собраніи я говорилъ объ этомъ въ Декабрѣ прошлаго года. По множеству занятій отложили переговоры до Мая, когда передъ вакантомъ будетъ нѣсколько свободнѣе. По вступленіи въ должность первоприсутствующаго я снова предложилъ составить изъ себя комитетъ и предварительно разработать эти вопросы, включивъ между ними вопросъ объ ограниченіи кассаціи и формѣ жалобъ, а равно и пересмотрѣть наказъ. Товарищи взглянули на меня такъ, что я сдѣлалъ себѣ вопросъ: да ужъ вѣрятъ-ли они въ кассацію? Или надѣются порѣшить съ ней? Кассационныя рѣшенія имѣютъ силу закона (всеобщаго руководства), и на нихъ никто не можетъ приносить (нигдѣ не принимаются) жалобы. Можно-ли такое могущество въ великой, 80 милліонной Имперіи вручить двумъ (по большинству тремъ) хотя бы очень умнымъ и опытнымъ сенаторамъ? Не требуетъ-ли отправленіе такого

могущественнаго права болѣе сложной обстановки? Иначе не подавить-ли это могущество собственнаго достоинства?

Начиная съ 4 Октября въ Петербургѣ господствуетъ общее опасеніе ожидаемаго, въ нынѣшнемъ году, наводненія, гораздо сильнѣйшаго нежели было 7 Ноября 1824 г. По справкамъ оказывается, что въ эти 45 лѣтъ ничего не сдѣлано, чтобы оградить столицу отъ страшной опасности и страшныхъ жертвъ, кромѣ стихотвореній Шевырева „Петроградъ“ (море спорило съ Петромъ, и Петръ одолѣлъ) и стихотворенія Хомякова, въ которомъ знаменитый Славянофилъ влагаетъ въ уста рыбака „на берегу пустынныхъ водъ“, что

Только шпиль отъ колокольни
Видѣвъ изъ моря одинъ. (Потому что Петербургъ хотя)
Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ,
Но какъ съ Богомъ онъ ни спорилъ,
Богъ его перемудрилъ *). (Да, стихотворенія только!)

Но въ самомъ дѣлѣ: что же сдѣлано съ 1824 г., чтобы предупредить возможное, случившееся бѣдствіе? Удлиненъ обводный каналъ. Но что это за каналъ? Что это за канавка, облегающая южную часть города? Кажется, прилично было бы поговорить серьезно нашимъ геологамъ и правителямъ о невозможности или о возможности, о послѣдствіяхъ ожидаемаго страшнаго событія. Самая свободная пресса могла бы посерьезнѣе заняться этимъ вопросомъ, а не отбоаиваться одними фельетонами. Городская площадь съ Сѣвера и Юга лежитъ въ ямѣ. Но на Востокъ до Шлиссельбурга Невская равнина, кажется, ниже этой площади, хотя надъ этой равниной господствуетъ свое море, Ладожское (можетъ быть, часть Балтійскаго).

Безпокойства, озабоченій и опасеній много, а свободная пресса, такъ тщеславящаяся своими заслугами (заслуги „Моск. Вѣд.“, дѣйствительно несомнѣнны, какъ и вообще гласности, соединенной съ печатью) не внесла въ этотъ вопросъ ни малѣйшаго содѣйствія.

И опять драмы, опять драмы! И не находится точки опоры и отдохновенія. Знаю, что время и опытъ приведутъ къ моему воззрѣнію, какъ основанному на безкорыстной оцѣнкѣ условій даннаго явленія; но каково ждать этого времени, когда эти драмы задѣваютъ самыя чувствительныя условія и цѣли жизни? Полагаюсь на тебя, о Господи! Великая помощь Твоя никогда меня не оставляла, меня, недостойнаго. А мнѣ нужна помощь не столько утѣшителя, сколько просвѣтителя. Ты еси свѣтъ.

*) Это изъ стихотворенія М. А. Дмитріева, а не Хомякова. П. Б.

Назойливость печати и гласнаго суда должна имѣть свои границы, переступая которыя, она можетъ испортить дѣло. Въ Юлѣ нынѣшняго года состоялось Высоч. повелѣніе объ изыятіи отъ явки въ судъ лицъ высшаго разряда (произведшее на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе и состоявшееся по случаю требованія въ качествѣ свидѣтелей кн. Меншикова и генер. Трепова), и сенаторъ князь Оболенскій, бывшій Московскій губернаторъ, добрыйшій Алексѣй Васильевичъ, вызываемый какъ свидѣтель по дѣлу о подложномъ завѣщаніи помѣщика Андреева, пожелалъ воспользоваться этимъ изыятіемъ, и судъ постановилъ допросить его на дому. Изъ этого простаго случая судъ умудрился сдѣлать цѣлую площадную исторію, а печать, особенно „Голосъ“ и „Петербург. Вѣдом.“ пропечатали эту исторію на всѣхъ столбцахъ и на всѣ стороны. Эта агитація противъ привилегіи не порицательна, но обстановка ея не достойна ни суда, ни серьезной печати. Привилегіи нельзя жить въ наше время. Она рано или поздно задохнется, потонетъ, исчезнетъ. Но противодѣйствіе одному повелѣнію можетъ вызвать другое, а это другое повелѣніе можетъ пошатнуть и все зданіе, такъ поспѣшно и такъ недавно построенное. Когда-то Гизо упрекалъ Французское общество, что оно робко пользуется или и совсѣмъ не пользуется предоставленными ему правами. Насъ можно упрекнуть, что мы слишкомъ бойко и широко распространяемъ наши права. Неровенъ часъ. Судъ разрѣшилъ не освѣщать черныя лѣстницы, а повелѣніе разрѣшило освѣщать. Судъ разрѣшаетъ допускать нижнихъ чиновъ въ питейные дома (хотя входъ запрещенъ закономъ), надобно ожидать, что новое повелѣніе отмѣнитъ и это толкованіе. Дѣло въ томъ, что, допуская входъ, полиція имѣетъ законное основаніе запрещать. Дѣло въ томъ, что надобно избѣгать столкновеній, а не называться на нихъ, не навязываться. Конфуза князя Оболенскаго, судъ раздражаетъ цѣлые классы и можетъ навлечь подозрѣніе въ чистотѣ своихъ дѣйствій. Того и гляди послѣдуетъ новое Высоч. повелѣніе. Неровенъ часъ. Всѣ эти и подобныя демонстраціи я приписываю непостепенности, радикальности введенія судебной реформы и молодости первыхъ ея дѣятелей.

Нѣкто Федоровскій, обзрѣвая наши рѣшенія по нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, рѣзко порицаетъ ихъ, говоря, что они доводятъ до абсурда, и что нѣтъ никакой возможности согласовать рѣшенія Сената 1867 г. № 444 (Зубова) и № 549 (Арцимовича) и рѣшенія 1868 г. № 375 (Стояновскаго) и № 550 (мое) и руководствоваться одновременно толкованіями того и другаго. Мое опредѣленіе относится къ дѣлу судебной палаты, всѣ прочія къ мировымъ установленіямъ. Тамъ разсматривалась совокупность, въ моемъ ея нѣтъ. Такъ за чѣмъ же оно попало въ рядъ?

Впрочемъ ошибки и противорѣчія возможны и существуютъ. Желательно, чтобы онѣ были не такъ легко возможны, т. е. чтобы общіе вопросы, какъ опредѣленіе 67 г. № 444, были обставлены лучшими ручательствами. Это опредѣленіе, какъ и въ 1868 г. № 388 о Постовскомъ и Зонтѣ № 770, имѣютъ всю силу постановленій органическихъ. Кажется, ихъ слѣдовало бы вносить въ общее собраніе по крайней мѣрѣ.

Съ своей стороны я сдѣлалъ сводъ нашихъ рѣшеній и думаю, что изданіемъ нынѣ отпечатанныхъ „Справочныхъ Листовъ“ я оказываю услугу, давая широкія основанія для изученія кассации и преподавая легчайшій способъ справкамъ и повѣркѣ. Трудъ довольно (не совсѣмъ) механической, но я уже вижу его пользу. По указаніямъ „Листовъ“ можно выяснитъ значеніе статьи въ многообразныхъ ея примѣненіяхъ и въ соотношеніи съ другими статьями. Жаль, что мои товарищи приняли трудъ мой довольно равнодушно, чтобы не сказать невнимательно. Буковский выразилъ опасеніе, что „Листы“ выставятъ яснѣе и полнѣе наши противорѣчивыя толкованія.

Я все болѣю и мало занимаюсь моими „Днями и Трусами*), а между тѣмъ записать есть что. Въ юго-западномъ управленіи направленіе начинается славянофильское, во главѣ котораго стоитъ княгиня-генераль-губернаторша. Въ сѣверозападномъ Потаповъ побѣжденный побѣдилъ и попечителя Батюшкова, и губернатора Шестакова, уволеннаго изъ свиты по флоту. Митрополитъ Сербскій Михаилъ подогрѣваетъ славянофильство въ Кіевѣ, Москвѣ и теперь въ Петербургѣ. Сынъ и посольство Бухарскаго хана просятъ о помощи и усиливаютъ нашу связь съ центральной Азіей. Депутація „общества покровительства торговли“ проситъ о новыхъ туда путяхъ и о направленіи Аму-Дарьи въ Каспій. Важнѣе всего этого—погромъ на нашей биржѣ, упадокъ курса (до 308 сант.) и всѣхъ процентныхъ бумагъ, страшныя, сложныя преступленія и пересмотръ законовъ о цензурѣ и печати, увольненіе Дерптскаго попечителя графа Кайзерлинга и выборъ въ предводителя барона Унгернъ-Штернберга, требующаго, вмѣстѣ съ прокуроромъ (?) дѣлопроизводства въ Приказѣ общ. призьнія, вмѣсто Прусскаго, всегда тамъ употреблявшагося, на Нѣмецкомъ языкѣ. Событія такъ и бѣгутъ, бѣгутъ такъ, что теряешь къ нимъ довѣріе, сомнѣваешься въ прочности, не видишь естественной послѣдовательности. Безпрестанные пожары (такъ выгорѣлъ весь Енисейскъ), безпрестанные случаи на желѣзныхъ дорогахъ (какой безпорядокъ отъ одного пожара на Мстинскомъ мосту!), смѣлыя публицистики,

*) Такъ К. Н. Лебедевъ называлъ свои Записки. П. Б.

скандалы и цинизмъ нѣкоторыхъ личностей такъ и бьютъ въ глаза, такъ и будятъ реакцію. Мы недалеко отъ того разочарованія, въ которое впалъ Іосифъ II. У насъ, правда, нѣтъ ни Венгріи, ни Нидерландовъ; но у насъ есть нужда, раздражаемая наглою расточительностію; у насъ есть невѣжество и невѣжественное духовенство, которому угрожаетъ несостоятельность. Противодѣйствіе явится отъ нужды и невѣжества. И справедливо. Мы, Петербургскіе реформаторы, найдя элементы воспримчивости въ обѣихъ столицахъ, совершенно неправильно приняли Россію за Европу. Въ губернскихъ и во всѣхъ уѣздныхъ окружныхъ судахъ нѣтъ публики, нѣтъ и охотниковъ на мѣста присяжныхъ повѣренныхъ, такъ что не только гласность, но и состязательность суда невозможна. Каѳедры въ университетахъ не заняты. Глупаго магистра въ Казани дѣлаютъ докторомъ. Половина Москвы—Замоскворѣчье—не имѣетъ гимназій. Налоги земскіе не подъ силу земству. Заемъ 12 милліон. для погашенія ассигнацій оставляетъ ихъ въ обращеніи. По мѣрѣ расточительности окладами, арендами, землями и имѣніями вырастаютъ цѣны на предметы первой необходимости. А нужда растетъ, растетъ и преступность распространяется, безцеремонностью подрывается семейство, колеблется собственность. Да, но развѣ все это только у насъ? У насъ это особенно бросается въ глаза отъ рѣзкости перехода, которая всегда имѣетъ два послѣдствія: самоувѣренность до цинизма однихъ, облагодѣтельствованныхъ реформою, и противодѣйствіе до подлога другихъ обиженныхъ ею.

Сегодня я былъ вызванъ къ мировому судѣ въ качествѣ свидѣтеля, по ссылкѣ на меня ст. сов. Кладо, жалующагося на дурную топку нашего дома. Я не воспользовался закономъ о допросѣ высшихъ чиновъ на дому, явился къ судѣ и присоединился къ частному обвинителю. Судья рѣшилъ: обязать домовладѣлицу озаботиться топкою и поддерживать температуру въ комнатахъ не ниже 15 град. по Реомюру. Обязать! Ну а если она не исполнить? Мелкое дѣло, но большой важности. Хозяйка или несчастная дочь ея, Львова, по злобѣ на кого-то изъ жильцовъ, не топить печь (топка общая для всѣхъ этажей). Вчера у меня было 8 град. Сегодня топлено, а у меня 10 гр. И сегодня, 30-го, у меня 10 град. Я весь трясусь. Посмотримъ что будетъ. И сегодня, 31, были архитекторъ и участковый—не болѣе 11-ти. Приходила и г-жа Львова, съ своимъ термометромъ. Она съ наглостію говорила мнѣ: Да что вы шубы не наденете? Да почему вы не выйдете? Я не отвѣчалъ ни слова, наглянка несчастная.

Я думалъ: достаточно-ли огражденъ жилецъ отъ притѣсненій? Посмотрю что будетъ далѣе. Вотъ и возня съ полиціей. Составляются и подписываются акты о низкой температурѣ.

Но какъ же проведемъ мы зиму, которая только начинается?

Мнѣ кажется, полиціи слѣдуетъ донять хозяйку штрафами и взять отопленіе на свою отвѣтственность.

1 Ноября. Кажется, правильная топка установилась.

Трудно найти квартиры. Даже всѣ номера въ гостинницахъ заняты. Стеченіе прїѣзжихъ, ходатаевъ и искателей огромное. Цѣны на все растутъ. Расточительность правительства и биржевыя спекуляціи надувають жизнь. Послѣдствія: бѣдность и преступность.

Пересматриваются законы о печати, очевидно въ видахъ усиленія администраціи и суда противъ „необузданности и неумѣренности печатнаго слова“. Особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ кн. (С. Н.) Урусова, должна съ твердостью и добросовѣстностью, не подчиняясь ни какому увлеченію, совершить это дѣло. Въ коммисію назначены спеціалисты и люди умные. Но дѣло-то мудреное. Законъ 6 Апр. 1865 г. взятъ изъ Франціи. Онъ держится на произволѣ предостереженій. Они во Франціи отмѣнились обычаемъ, довольно рѣдки они и у насъ. Но если произволъ недостаточно силенъ, то даетъ-ли болѣе силы тѣсная законность? Если *Lanterne, Reveil, Rappel* возможны у Наполеона, молодая Россія выставитъ смѣльчаковъ, выражающихся, если не съ такою дерзостью, то съ еще худшимъ цинизмомъ. Страшны не тѣ мѣры, которыя придумаются этими спеціалистами и умными людьми (они ничего не придумаютъ), а страшно то, что, не довольствуясь предостереженіями, правительство задумало усилить администрацію и судъ, что оно ворочается назадъ. Возвращеніе назадъ всегда дурно, нравственно и политически вредно и компрометтируетъ власть и законъ.

Задача состояла въ одномъ: регулируйте предостереженіе. Я стою на томъ, чтò писалъ Валуеву въ 1863 г., что предостереженіе должно имѣть юридическое значеніе и слѣдовательно исходить отъ независимой коллегіи. Совѣтъ министра тутъ недостаточенъ.

Прочелъ я рандглоссы Юлія Эккардта на сочиненіе Самарина „Окраины“. Рандглоссы, полныя желчи и ненависти, написаны бойко, гладко и ловко, но съ такою запальчивостью, пересыпаны такими намеками и подозрѣніями, съ такимъ открытымъ порицаніемъ Петербургскихъ Сената и Совѣта, что появленіе этой книги (*Juri Samarins Anklage, Leipzig, 1869*), еще болѣе раскрываетъ виды и программу Нѣмецкой партіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Опѣмеченіе Леттовъ и Эстовъ партія эта считаетъ естественнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія края и законнымъ призваніемъ высшаго господствующаго тамъ Нѣмецкаго элемента. Общественныя усовершенія должны производиться тамъ не путемъ законодательнымъ Имперіи, а на основаніи трактатовъ и гарантированныхъ ими мѣстныхъ учрежденій. И эта

нація (пигмей думаетъ бороться, и при томъ въ настоящее время) съ Русскимъ колоссомъ! И противъ всѣхъ общечеловѣческихъ преобразованій она рѣшается отстаивать средневѣковые порядки, силу *corpus juris, diploma Radzivilianum, privilegium Sigism. Augusti, posttestum S-tai Catharinae*. Конечно, это самообольщеніе, которое разочаруется въ самомъ непродолжительномъ времени, когда университетъ и города измѣнять свои Нѣмецкія учрежденія, когда въ народныхъ школахъ будутъ обучать Русскому языку и когда въ судахъ и администраціи будетъ слышаться государственный языкъ Имперіи. А пора!

Глубокое, оскорбительное презрѣніе чувствуется въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ Эккардта. Мнѣ кажется раздраженіе достигло крайняго предѣла. Пора! Такая открытая оппозиція, выразившаяся и въ другой книгѣ Эккардта: *Bürgerthum und Bureaucratie* и въ книгѣ Гарлеса *Geschichtsbilder* (стр. 203 и 209) немыслима въ благоустроенномъ государствѣ, и пора положить этому конецъ.

Увольненіе Шестакова и Батюшкова дѣлаетъ много шуму не по личностямъ этихъ гг. не особенно замѣчательнымъ, а по вмѣшательству въ это дѣло нашей публицистики, и именно „Москов. Вѣдом.“, въ тайныхъ сношеніяхъ съ которыми обвиняютъ бывшихъ Виленскихъ начальниковъ. Я этого не думаю. Генераль Потаповъ столько выгналъ чиновниковъ, что редакція могла получать всевозможныя свѣдѣнія о ходѣ всякихъ дѣлъ въ краѣ. Одинъ Зубковъ стѣбитъ архива. Да и какой поводъ? Шестаковъ выбранъ самимъ Потаповымъ, Батюшковъ дѣйствовалъ въ его духѣ. Вообще управленіе Потапова отличается непослѣдовательностію, собственнымъ его ложнымъ положеніемъ и мелочностію. Нельзя думать, чтобы онъ находилъ пріятнымъ пребываніе въ этомъ краѣ и вѣроятно скоро оставитъ. Онъ опять собирается въ Петербургъ, — даже кажется со всѣмъ семействомъ — можетъ быть съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Вильну, гдѣ „Московскія Вѣдомости“ не дадутъ ему покоя. Печать начинаетъ дѣйствовать какъ настоящая, могущественная сила, и боязливое невѣжество управляющихъ помогаетъ созрѣнію этой силы. Особенно умѣючи взялся за дѣло Катковъ, Головинъ и гр. Д. Толстой явно заискивали въ немъ. Генераль-губернаторы Безакъ, Крыжановскій знакомились съ нимъ, чтобы просвѣтить себя. Да, но при такой силѣ гласности и печати гдѣ же обличеніе найдетъ *отвѣтственность*? Безъ нея зло шатается, но не вырывается съ корнемъ, а шатаясь, зло это шатается и довѣріе къ преобладающей власти.

Большіе споры объ *окончательной* (верховой) власти судебныхъ палатъ прекращать начатыя слѣдствія. Онѣ прекращаютъ или по неправильному толкованію закона (скопцы изъ инновѣрцевъ неприступны) или по превышенію власти (мертвецки пьяный невмѣняемъ. Признан-

ный злостнымъ банкротомъ, не ведшія торговыхъ книгъ—недостаточно доказанъ) и проч. Власть палаты обширна и окончательна. Какъ оградить правосудіе? Рѣшили: порядкомъ надзора. Палатскіе прокуроры доносятъ министру, онъ предлагаетъ Сенату, Сенатъ исправляетъ (неисправимое, ибо опредѣленіе палаты окончательно) и объясняетъ для будущаго. Я думалъ иначе. Порядокъ надзора есть во всякомъ случаѣ дѣло управленія. Я полагалъ предоставить прокурорамъ право протеста,—право открытое, вмѣсто келейнаго донесенія министру, дѣлаемаго по усмотрѣнію прокурора и предлагаемаго министромъ по его усмотрѣнію.

Телеграфъ принесъ рѣчь Наполеона (17) 29 Ноября при открытіи новаго парламента. Въ ней много смѣлости и опасеній. Въ ней упреки, просьбы и угрозы. Трудно водворяется свобода во Франціи, началъ онъ. „За порядокъ я отвѣчаю, вы помогите мнѣ устроить свободу, спасти свободу. Я далъ большія льготы (продолжаетъ онъ что-то загадочно), а вы не хотѣли отказаться отъ прошлаго, обезоружить правительство и поколебать имперію“. Напряженіе умовъ и раздраженіе партій дошли до крайности. Вѣроятно назначеніе министерства Оливье, личности довольно посредственной. Эта уступка будетъ началомъ, которое покончитъ съ имперіей. Императоръ такъ много общается въ рѣчи, что видишь въ торопливой расточительности признаки слабѣющаго правительства, а между тѣмъ расточительность эта, при настоящихъ обстоятельствахъ, представляется мелкою, ничтожною.

Опять свиданіе съ Юліей Кожинной. Воспоминанія моего дѣтства за 40 за 50 лѣтъ тому назадъ. Много и далеко ушло времени. Точно сонъ, я люблю мое прошедшее, мое дѣтство, мать, деревню и роцци. Мать!

У насъ безпрестанныя иллюминаціи, встрѣчи и праздники. Они равняются нашимъ денежнымъ бумагамъ. Праздновали пятидесятилѣтіе Инженернаго Училища (такъ отдѣланнаго въ „С.-Пбург. Вѣдомостяхъ“ отъ 25 Ноября № 325) теперь празднуютъ столѣтіе Георгіевскаго ордена. И все такъ неблагоговѣйно, шумно, самохвально. И все такъ расточительно. Пора бы войти въ народныя нужды (убавить, если не совсѣмъ отмѣнить, прямые налоги), въ народное бѣдствіе пьянство (отъ котораго столько бѣдствій и на желѣзныхъ дорогахъ) и въ народное невѣжество. Помѣщики раззорены и гибнутъ массами. Крестьяне раззоряются и гибнутъ въ пожарищахъ. Торжествуетъ спекуляція, преимущественно иностранная и Жидовская. Роскошничаютъ антрепренѣры и Петербургскіе чиновники. Да и тѣ не роскошничаютъ: цѣны, по дешевизнѣ бумажныхъ денегъ, поднялись и поднимаются. Развратъ и преступность усиливаются. А у насъ праздники. Боюсь я, что не все

коту масляница, будетъ и постъ. Нашъ рубль понизился на 25%, а мы и въ усъ не дуемъ, выпускаемъ новыя серіи. На дняхъ кончились въ Петербургѣ три огромныя дѣла, замѣчательныя по своей наглой дерзости: о векселяхъ Плещеевой, о духовной Андреева и о поддѣлкѣ билетовъ. Подобныхъ дѣлъ, по объему и шайкамъ, я не помню въ старой практикѣ. Они равняются Харьковскому, Гавриловскому и характеризуютъ эпоху. Посмотримъ бюджетъ и поступленіе налоговъ. Да. Но все это дуту, бумажныя деньги.

Я опять болѣвъ. Желудокъ вышелъ изъ повиновенія. Разслабленіе общее во всемъ организмѣ. Напряженіе нервъ чрезвычайно. Я уже давно могу спать только при помощи наркотическихъ пріемовъ: сперва пива, потомъ портера и наконецъ виннаго настоя. Не сплю, сердцебіеніе страшное. Я между двухъ крайностей. Я опасуюсь незапной смерти. А умирать мнѣ рано. Обращаюсь къ великой милости Твоей, о Господи. 26 Ноября НВ съ 28 на 29 я почти совсѣмъ не спалъ и чувствовалъ біеніе сердца больного. Это біеніе сердца давно озабочиваетъ меня и есть главная причина бессонницы, усилившейся особенно съ 1848 года. 1 Декабря. Я все нездоровъ. Нѣсколько поправился, 2 Декабря.

Думаю я о нашей газетной гласности. Сколько въ ней подкуповъ и безнравственности! Это какіе-то бюро продажнаго вліянія и закупнаго давленія на общественное мнѣніе. Этого только не доставало. Ничего что Катковъ—по выраженію провинціи, усвоенной и переданной шефу жандармовъ генер. адъют. Шиповымъ—что Катковъ богъ, кумиръ; но Катковъ чистъ, а если и не чистъ (по помѣси его съ мелочными величіями), то возвышенъ надъ этою продажностію мелкой публицистики. Я имѣю несомнѣнныя доказательства *такой* продажности „Судебнаго Вѣстника“, гдѣ съ редакторомъ—Лохвицкій, защитникъ Бильбасова, Вердеревскаго и т. п. Это—дѣло Яхемзена-Симанскихъ. Лохвицкій беретъ отстаивать его въ 7 д-тъ и въ общ. собраніи за хорошія деньги. Это ничего; онъ адвокатъ. Но онъ обѣщаетъ содѣйствіе „Судебн. Вѣстника“. Это не хорошо. Жалкая публицистика! Или жалкая администрація!? И то и другое. Несоразмѣренныя съ нуждами реформы дѣлаютъ то, что людей нѣтъ. Впрочемъ печать вездѣ была и будетъ продажная. Никто однако не хвастается своею чистотою и безъуспѣшнымъ волокитствомъ такъ самохвално, какъ „Московскія Вѣдомости“. Ихъ подкупали Муравьевъ, черезъ Рачинскаго, Головинъ и гр. Толстой и даже Валуевъ; Потаповъ, черезъ Черныяева и Веревкина, гр. Бисмаркъ черезъ Швейница. *И другіе.*

Вотъ и посланіе президента Улисса Гранта. Говорится и о Кубѣ и о Канадѣ. Говорится и объ Англіи (Алабамское дѣло) и говорится грозно, хотя очень покойно. 3 Декабря рожденіе Наташи. 13 лѣтъ.

Тутъ оканчивается имѣющаяся у насъ подлинная рукопись „Трудовъ и Дней“, въ которую К. Н. Лебедевъ, въ теченіе лѣтъ сорокъ сряду, заносилъ свои наблюденія надъ событіями и людьми и свои замѣтки о прочитанныхъ книгахъ. Постоянное напряженіе воли въ работахъ по служебной должности, неустанная дѣятельность головы, непрерывно слѣдившей за ходомъ дѣлъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, истощили его силы, и послѣднія семь лѣтъ жизни провелъ онъ въ настроеніи до того болѣзненномъ, что даже тяготилъ собою столь дорогихъ его сердцу жену и дѣтей. Одинъ изъ близкихъ къ нему людей писалъ къ намъ про него: „Единственнымъ его пріателемъ, съ которымъ онъ сохранялъ добрыя отношенія до самой смерти, былъ Григорій Ивановичъ Кузминскій, музыкантъ и поэтъ, написавшій множество стиховъ (изъ нихъ на смерть Глинки и Дорогомыжскаго были напечатаны). Ежегодно Кузминскій жилъ у Лебедева лѣтомъ въ Василькахъ, по близости отъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги¹⁾. Онъ былъ лѣтъ на десять старше Лебедева. Отъ него вѣяло маркизомъ 18 вѣка. Вспоминаю случай, бывшій за два года до смерти Лебедева. Онъ былъ тогда страшно нервнъ. Мы всѣ и Григорій Ивановичъ ухаживали за нимъ, какъ могли, скрывая отъ него все, что сколько нибудь могло потревожить его. Лебедевъ боялся пожара и запретилъ строго топить печи, кромѣ кухни конечно. Но Григорій Ивановичъ вздумалъ затопить у себя во флигелѣ печь (старому человѣку утромъ показалось холодно, а вставалъ онъ очень рано). Мы этого ничего не знали. Когда всѣ собрались за однимъ столомъ завтракать, Григорій Ивановичъ сказалъ, что онъ уже поѣлъ, самъ приготовивъ себѣ „личницу-глазунью“. Какъ же вы сдѣлали это, ваше превосходительство? спросилъ Лебедевъ шутя.—„Да приказалъ затопить печь во флигелѣ и приготовилъ самъ; превосходно!“ Лебедевъ вспыхнулъ. Кто это вамъ позволилъ?—Какъ—кто? недоумѣвая, но уже тоже горячася спросилъ Кузминскій.—Я приказалъ не топить печей и т. д. и т. д. Словомъ генералы разгорячились страшно, и Григорій Ивановичъ вызвалъ Лебедева, драться на эспадронахъ! (Другого оружія не было). Лебедевъ принялъ вызовъ и приказалъ принести оружіе; жена бросилась успокоивать его, а Григорій Ивановичъ въ гнѣвѣ отправился во флигель. Черезъ полъ-часа меня послали извиняться передъ нимъ, но тотъ въ этотъ же день на простой телѣгѣ уѣхалъ изъ Васильковъ, не простившись ни съ кѣмъ. Въ этотъ же годъ въ Сентябрѣ съ Лебедевымъ случился ударъ, и первый, кто пришелъ навѣстить страдальца былъ, конечно, Григорій Ивановичъ. Онъ навѣщалъ его почти до самой его смерти, пока самъ не свалился отъ тяжелой болѣзни. Какіе были люди! Сколько энергіи за 2-3 года до смерти!“

Изъ формулярнаго списка, выданнаго К. Н. Лебедеву для представленія въ Московское Депутатское собраніе, видно, что онъ изъ Московскаго университета поступилъ въ 1835 году въ Провіантскій департаментъ, откуда въ 1840 г.

¹⁾ Васильки принадлежатъ дочери К. Н. Лебедева, Натальѣ Кастановнѣ, бывшей въ замужествѣ за ст. сов. А. Н. Грифцовымъ. П. Б.

перешель въ Министерство Юстиціи, гдѣ и оставался до конца. Въ послѣдніе годы службы получалъ онъ 7 тысячъ жалованья и 2 тысячи арендныхъ.

Жизнь К. Н. Лебедева видна по его Запискамъ, которыя напечатаны у насъ не вполнѣ: приходилось опускать мелочныя подробности и почти все что касается до его братьевъ и сестеръ и дѣтей ихъ, которымъ онъ благодѣтельство-валъ.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній объ этомъ столь достопамятномъ человѣкѣ.

К. Н. Лебедевъ родился въ 1812 г., Сентября 18 дня. Отецъ его былъ губернскимъ секретаремъ и служилъ въ Пензѣ, гдѣ и родился Касторъ Никифоровичъ. Мать (род. 1793) урожденная Кожина, была дочерью В. Кожина, помѣщика Пензенской губерніи, она воспиталась у Пензенскихъ родственниковъ своихъ Племянниковыхъ (въ родствѣ съ графами Чернышевыми) и вышла замужъ очень рано, 13 лѣтъ.

Она была несчастлива съ мужемъ, въ 1817 г. разсталась съ нимъ и уѣхала къ отцу въ село Знаменское. Мужъ ея въ 1818 году скончался. Молодая вдова осталась въ деревнѣ и посвятила себя дѣтямъ; она всему учила ихъ сама и приучала къ простой жизни и порядку.

Въ 1822 г. она со всѣми дѣтьми переехала въ Пензу, и директоръ тамошней гимназіи, извѣстный писатель И. И. Лажечниковъ, во вниманіе къ службѣ ея мужа*), далъ ей квартиру въ казенномъ домѣ, смежную со своею. Вдова Лебедева была дружна съ женою Лажечникова. Не имѣя почти никакихъ средствъ (приданое прожито въ первое время замужества), она завела пансіонъ; такъ продолжалось до 1828 года, когда Касторъ Никифоровичъ по окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ Московскій Университетъ. Много было нужды и лишеній. Лебедева старалась держать дѣтей въ порядочномъ кругу и устраивала спектакли, на которые съѣзжалось въ гимназическую залу много любопытныхъ (Кожины, Лажечниковы, Племянниковы, Купріяновы.)

Черезъ Лажечниковыхъ Лебедевъ познакомился съ Протасьевыми, у которыхъ сталъ учителемъ, а потомъ сдѣлался другомъ дома.

К. Н. Лебедевъ скончался въ Петербургѣ и похороненъ на Волковомъ православномъ кладбищѣ. На могильномъ камнѣ его означено, что онъ умеръ съ 20 на 21 Мая 1876 года.

Въ приложеніи помѣщаемъ его даровитое, шуточное произведеніе, написанное на 22 г. жизни, вышедшее особымъ выпускомъ и надѣлавшее довольно шуму. П. Б.

*) Который былъ, кажется, смотрителемъ Пензенскаго уѣзднаго училища. П. Б.